Освобождение трудящихся—дело самих трудящихся!

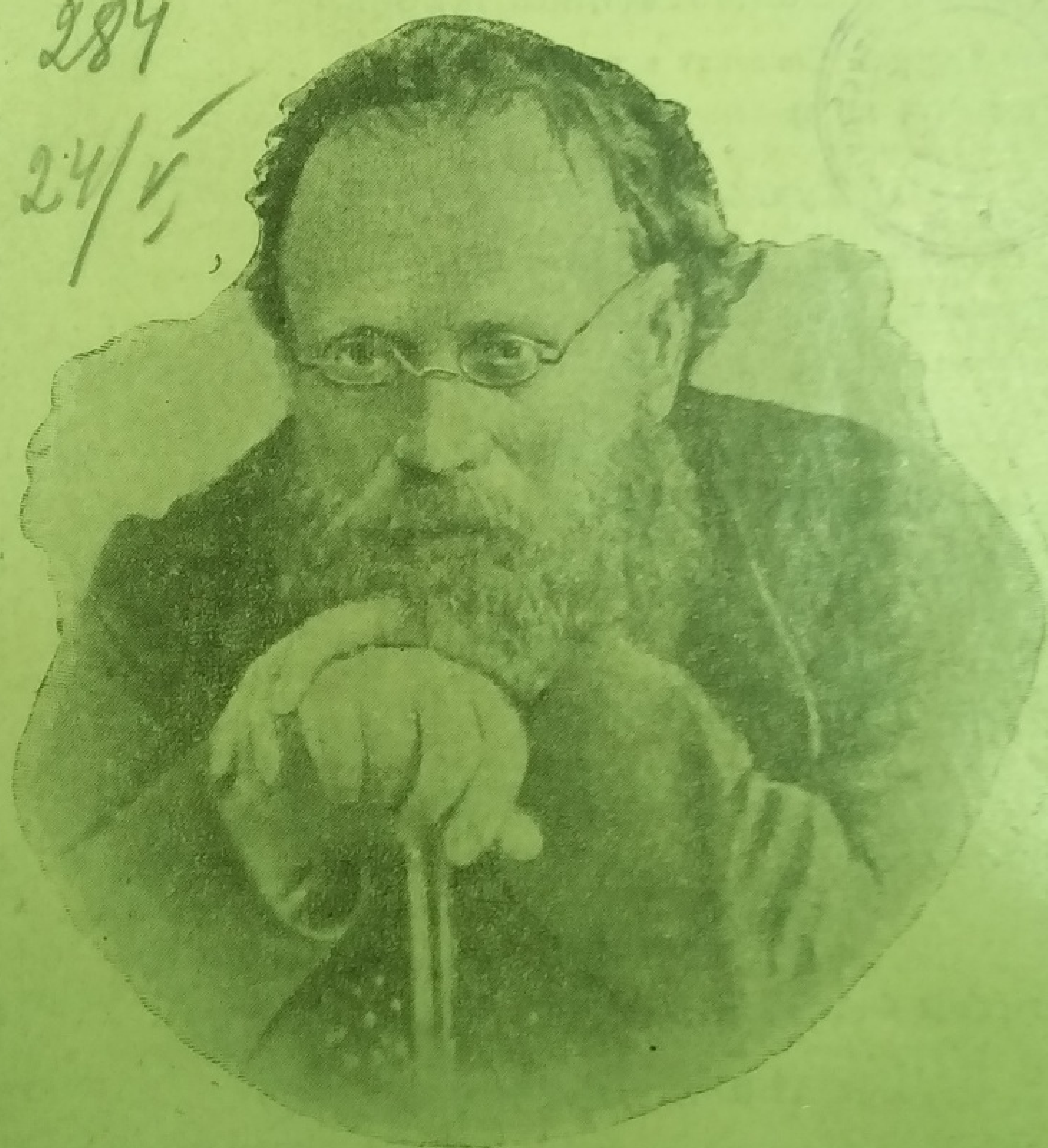
П 23
2296
981
П23
2296

Вольный Труд

Орган Питерской Федерации Анархо-Синдикалистских Групп.

№ 3-4. 30 Января. 1919 г.

284
24/V

Пьер-Жозеф Прудон.

23
2296

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Теоретический отдел.

Б. С. Об Анархизме (продолжение). 3

Общественная жизнь.

Леонид Грабарь. Синдикат или партия 19
Е. Гуро. Что мы делаем и что должны сделать 23

Художественный отдел.

Сер. Воскресенский. Стихотворение 26
Т. Левенчук. Царь.—Разсказ. 27
Сер. Воскресенский. По дороге.—Разсказ 31

Товарищеская беседа.

Семеныч. О первой конференции анархических организаций Украины „Набат“ (окончание), ... 34

Искусство.

Л. Грабарь. Вместо вступления. 38

Из нашей жизни.

М. Будьте стойки 39

Хроника.

В Питерской Федерации. 45

Об'явления

Теоретический отдел.

Об анархизме.

Очерк первый.

(Продолжение).

Двухсторонний характер общества.

Общество определяется двумя основными моментами: *личностью* (индивидом) и *коллективным соединением* (общество в смысле связывающего момента).

Вопрос о взаимоотношении и первенстве этих двух начал является коренным в понимании существа общества и его жизни. Издавна этот вопрос привлекал внимание ученых, занимающихся изучением социальных явлений. Существует до 100 теорий, пытавшихся так или иначе разрешить этот вопрос. Все эти теории могут быть сведены к двум основным типам,—*индивидуалистическим и коллективистическим* [1]).

Индивидуалистические теории считают основой общества—личность, коллективное же соединение (связывающее начало)—игнорируют. Сюда относится естественно-правовая школа, крайний утопический анархизм и др. (Виднейшие представители: Руссо, Гобс, Ницше, Штирнер и др.).

Коллективистические теории игнорируют личность, считая ее иногда даже не отдельным существом, а только составным элементом „Великого Существа“—человечества, которое одно реально существует (личность же имеет только „кажущееся бытие“). Сюда относятся биологическая школа, исторический материализм и др. (Виднейшие представители: Кант, Спенсер, Маркс, Энгельс и др.). Как те, так и другие теории в результате впадают в одну из крайностей, откуда — ошибочные выводы.

Оба начала имеют одинаковое значение: они порождают, восполняют и обусловливают друг друга. Можно и должно говорить *только* об их взаимоотношении, но не о первенстве.

Эти два равноценных начала по своему характеру—дружественно-враждебны: друг без друга они не могут существовать, но в то же

---

[1]) Совершенно особо стоят смешанные теории (пока еще слабо разработанные), пытающиеся примирить оба направления (индивидуализм и коллективизм), но в результате примыкающие почти всегда к тому или другому основному типу. Будущность, безусловно, за ними.

время они не могут и ужиться, сосуществовать мирно: между ними вечная борьба (по крайней мере, так было до сих пор) с переменным успехом то на одной, то на другой стороне.

Человек, ось всей жизни, становится *личностью* только в обществе, в коллективном соединении себе подобных. Вне и без общества человек есть только животное, одаренное *разумом*, отличающим его от других животных. Этот разум и помогает человеку-животному в коллективном соединении себе подобных познать себя, познать свое „я“, противопоставив ему других и другое „я“, помогает, короче говоря, сделаться человеку-животному *личностью*. Чем культурнее общество, чем больше в обществе выдвигается разум руководителем человека, тем ярче выявляется и проявляется личность, ценнее признается эта личность, яснее становится, что полного своего развития она достигает в обществе, построенном на свободном, добровольном начале, а не на принуждении, которое всегда и везде аннулирует личность и ее значение.

Без и вне общества нет, повторяем, личности, а есть только животное, одаренное разумом, без которого, в свою очередь, нет общества, а есть только табун, стадо, стая.

Первобытный человек, живущий преимущественно в одиночку,— не личность, а животное, одаренное *разумом*, проблески которого, правда, едва заметны. Руководителем его жизни являются исключительно почти эмоции, инстинкты [1]). Эмоции побуждают его соединиться с себе подобными в семью, род, племя (половое самосохранение и др.). Познать же свою личность в обществе, или точнее выявиться этой личности, помогает разум.

У животных, живущих также нередко в коллективном соединении себе подобных, на что побудили их, как и человека, эмоции, нет *разума*, а потому там нет и не может быть личности, нет и не может быть общества, а есть лишь животное, как живое существо и стадо, стая, табун, как коллективное соединение *вне* царства разума.

Из сказанного следует, что все то, что является продуктом социальной или что то же общественной жизни, как коллективного соединения личностей, берет свое начало в личности, в ее разумной психике (всегда отличной от психики животного), в коллективном же соединении, где, прежде всего, выявилась эта личность, получает далее свое выражение, свой характер, свой об'ем и свою форму.

---

[1]) Инстинкт, представляющий по своей природе сложный психический процесс, неправильно, как указал Л. Петражицкий, смешивают с чувством, которое есть простой элемент нашей психики, а не сложный процесс. Инстинкт—не чувство, а эмоция.

Эмоция же—не элемент нашей психики, как полагает Л. Петражицкий, а сложный психический процесс.

Общественная власть, существующая исключительно в коллективном соединении личностей, берет свое начало, следовательно, тоже в психике человека.

К этому бессознательно, инстинктивно, подошла органическая школа, усматривавшая в природе власти „волю“, видевшая в обществе личность,—личность же без психики—немыслима. Односторонний взгляд на общество, признание только ли его коллективного момента, игнорирование личности, как таковой, помешал органической школе искать природу различных социальных явлений там, где она была, т. е. в психике человека, индивида. Отсюда и пошло выдумывание „коллективных личностей“, „Великого Существа“, „Сверх-личности“, „Сверх-человека“ и т. д., и т. д.

Нельзя никогда игнорировать и другое начало — коллективное соединение, как это часто делают индивидуалистические теории, потому что вне и без общества нет личности. В частности говоря о власти можно сказать, что вне общества нет власти и даже нет отвлеченного понятия о ней, как нет и самого слова „власть“, так как вне общества нет речи вообще: только в обществе человек-животное из бессловесного существа превращается в человека (в личность), характерной чертой которого является также „дар речи“, способность из'ясниться с себе подобными.

Выяснив вкратце [1]), каково взаимоотношение двух основных начал общественной жизни, перейдем теперь к вопросу о развитии человеческой психики в обществе и к тому, как влияет на это развитие воспитание.

Развитие психики и воспитание человека.

Человек и человечество проходят в развитии своей психики три ступени, постепенно сменяющих друг друга, выходящих и входящих одна из другой, одна в другую.

На первой ступени руководителями человека являются эмоции; на второй—эмоции и разум, который в то же время борется с эмоциями за свое верховенство; на третьей ступени разум вступает в полные свои права, он один—хозяин, он путеводная звезда человека.

В кратких чертах картина такова:

А. Ребенок, недавно родившийся, и первобытный человек живут почти исключительно эмоциональной жизнью. Интеллект (разум) у ребенка и первобытного человека развит еще настолько мало, что

---

[1]) Более подробный взгляд на общество автор намерен развить в специальном очерке.

почти незаметен, но он есть, и он только отличает ребенка и первобытного человека от всякого другого животного, живущего также эмоциональной жизнью [1]).

Вся забота у ребенка направлена на удовлетворение своей телесной, физической (не духовной) жизни. Он, если думает в этом периоде, то думает только об еде и игре.

Вся душевная жизнь ребенка, его психика, складываются непосредственно под впечатлением внешнего мира, его предметов и явлений. Для него существуют только то, что воспринимается его органами чувств. Все остальное, о чем знает взрослый, что существует для взрослого, как продукт его мышления, что является результатом *посредственного* восприятия, а не непосредственного,—все это для ребенка не существует, обо всем этом он ничего не знает. Он *свободен* от всяких производных представлений и понятий, от „выдумок“, предрассудков, от фантазм взрослой части человеческого рода, и эта свобода приносит ребенку только счастье.

На ряду с полной свободой, о которой взрослый даже правильного понятия не имеет, у ребенка наблюдается и полный *демократизм* (в смысле полного равенства), о котором взрослый имеет самое уродливое понятие, но к которому, инстинктивно, он вечно стремится, которого вечно жаждет.

Сознание превосходства одного над другим («я лучше тебя») у ребенка отсутствует. Вместо „сознания превосходства“ у него есть „чувство равенства“.

Для ребенка все равны, всё и все хороши. Одинаково счастливо улыбается он и бедному и богатому, и умному и глупому, и хорошему и плохому, и святому и грешному, и нравственному и безнравственному, и честному и бесчестному, и человеку и животному, и травке и камешку—всему тому, что он видит, слышит, осязает и т. д.

И сколько раз взрослый завидовал этому действительно счастливому *свободному демократу!*

Б. Вторая ступень развития психики начинается приблизительно с того момента, когда в ребенке начинает просыпаться дремавший до сих пор интеллект, разум.

В это время в жизнь ребенка постепенно начинает вмешиваться взрослый. Начинается так называемое „воспитание“,—приспособление к „современной действительности“.

Папа, мама, брат, сестра, дядя, тетя, дедушка, бабушка, няня, гувернантка, пророки, учителя и прочие и прочие воспитатели чело-

---

[1]) В дальнейшем своем изложении будем говорить только о ребенке, в котором воплощена реально-символически жизнь человека и человечества в первой фазе своего развития.

веческого рода день за днем, час за часом терпеливо, настойчиво и главным образом, насильно и противоестественно внедряют в душу ребенка, то, без чего жизнь человека, по их мнению, невозможна, без чего „человек погибнет“.

В зависимости от социального положения и культурного развития семьи и класса, к которому принадлежит воспитываемый, слагаются порядок, форма и характер „воспитания“.

В семьях религиозных и в тех, где религию, по крайней мере, считают необходимым аксессуаром воспитания, начинают, после некоторых „подготовительных работ“, с Бога.

Но ребенок воспринимает, как было указано выше, только то, что *непосредственно* передается его интеллекту органами чувства. Бога же, которого воспитатель рисует, как человека, наделенного всевозможными совершенствами, сверх'естественной силой, ребенок не видит, не слышит (Бог же, в передаче воспитателя, — *человек*, следовательно, его можно видеть и слышать), а потому не может воспринять. На веру воспринять Бога он тоже не может, так как в нем нет еще веры: *Человек рождается без веры* и только впоследствии, благодаря многому непонятному для него в природе—с одной стороны и воспитанию—с другой стороны в нем рождается и развивается вера.

Начинается борьба между воспитателем и воспитываемым... И не скоро победил бы воспитатель, если бы к нему на помощь не пришел многовековый опыт предшествующего человека и сама природа.

Много непонятного в природе, непонятного и взрослому, и ребенку. Ребенок слышит гром, видит молнию, осязает (и слышит) ветер, мороз, жару, пред ним день, ночь, солнце, луна, звезды, земля, вода, живая и мертвая природа,—все это интересует ребенка, мимо всего этого он не может пройти спокойно.

Что это такое? Откуда все это?

Этим и пользуется воспитатель („бессознательно-гениальное приспособление к обстоятельствам“), ловит момент и об'ясняет непонятное ребенку, как „дела рук Божьих“, как деяния и проявления того самого существа, которого воспринять на веру, так противился ребенок.

Медленно и мучительно проходит процесс произвольного восприятия ребенком Бога.

Одновременно с этим ребенку преподается *рай* и *ад*, тоже как творения Божие, как „дела рук его“. Первый заполняется всем тем, что *приятно*, что нравится человеку, второй тем что *неприятно*, что не нравится человеку. Рай обещается послушным, добрым, — адом грозят непокорным, злым. Рай сулят тем, кто следует своим поведением, в действиях, словах и даже мыслях тому, что составляет содержание

списка *доброго, дозволенного*, списка под общим названием „*можно*“, и кто в то же время воздерживается от всего того, что занесено в список *злого, воспрещенного*, в список „*нельзя*“ [1]).

Эти списки должны служить, по мысли воспитателя, путеводной звездой человека на его жизненном пути и привести его под конец жизни или в рай, или в ад.

„Слушай папу, маму“, „повинуйся старшим“, „не шали“ и т. д. (для взрослых—„повинуйся власти, начальству, закону“, „не бунтуй“, „терпи“, „самоусовершенствуйся“, и т. д.) — за все это „будешь в раю“, вблизи Бога, в противном случае не избежать ада, преисподней, пекла.

Бывает, и это чаще всего, что „врата Адови“ и „Рая“ открываются для „обреченных“ здесь же на земле, самими воспитателями (с одной стороны—конфета, игрушка, театр, чин, орден, экономическое и политическое улучшение и возвышение и т. д., с другой стороны—порка, бойкот, лишение необходимого и приятного, правопоражения, лишение чести, денежные наказания лишение свободы, смертная казнь и т. д.). Такой „захват“ функций Божеской власти, освобождение Бога от обязанности наказывать и награждать, имеет свои глубокие корни в историческом прошлом человека, а отчасти обусловлен современными социальными, экономическими и этическими факторами (причинами).

В семьях нерелигиозных и малорелигиозных, где понятия о Боге не преподаются *вовсе*, или преподаются *мимоходом*, списки «можно» и «нельзя» втискиваются в душу ребенка иными путями, главным образом, путем награды и наказания. [2])

Бывают и такие семьи, где воспитание идет путем медленного, терпеливого настойчивого внушения и убеждения. Но к сожалению, таких семейств очень и очень мало в нашем «культурном обществе».

---

[1]) Необходимо заметить, что содержание списков не есть что-то постоянное, вечное, неизменное, — наоборот, оно постоянно меняется, неопределенно: одно и то же действие, слово, мысль в одно и то же время, в зависимости от культурного, нравственного и религиозного развития среды, может находиться то в списке „можно“, то в списке „нельзя“. Нельзя обойти молчанием и другого характерного явления: список „можно“ постепенно, хотя очень и очень медленно, увеличивается в своем об‘еме за счет списка „нельзя“, который всегда был и теперь есть во много раз об'емистее первого. *Интенсивность переливания из второго списка в первый—прямо пропорциональна культурному состоянию общества:* чем культурнее общество, тем более увеличивается в своем об‘еме список „можно“ и уменьшается список „нельзя“.

[2]) Формы наказания колеблются, смотря по тому, к какому обществу, к какому классу, среде, принадлежит воспитываемый и воспитатель: порка, бойкот („папа и мама не будут с тобой разговаривать, если . . . “ и т. д.), лишение чего нибудь приятного, а иногда и необходимого (пищи, свободы, игры, свежего воздуха и т. д.) и тому подобные более или менее жестокие и чувствительные формы наказания. Одна черта проходит через все формы наказания—физические и нравственные *страдания*.

Каким бы путем не шло воспитание, оно почти всегда сопровождается любовью воспитателя к воспитываемому ребенку, чего нельзя сказать о воспитании взрослых разными учителями, жрецами, пророками, властителями и прочими радетелями, опекунами и попечителями человека. Эта *любовь*, и только она, очень часто побуждает воспитателя прибегать ко всем средствам, идти всеми путями, лишь бы «любимое дитя» восприняло то, без чего «жизнь человеческая немыслима», лишь бы ребенок был воспитан «в духе времени».

И воспитываемый в «духе времени», столь мучительно, больно чувствующий на себя гнусное насилие воспитания, став взрослым, сделается таким же любвеобильным воспитателем-мучителем для своих детей, для подростающего поколения. Все та же *любовь* побудит его на это, заглушая вспыхивающие изредка воспоминания детства.

Любовь же толкает иногда некоторых стать воспитателями и взрослого человека; но любовь эта, по своему об'екту, иного характера; если там была любовь к ребенку, к *человеку*, то здесь—любовь к *власти*, здесь не человеколюбие, а властолюбие.

С восприятием Бога, рая, ада, доброго, злого кончается счастливая жизнь истинно-свободного демократа. Во всех своих действиях, словах, мыслях он уже не свободен: он связан безчисленным множеством «можно» и «нельзя».

Равенство тоже исчезло с разделением всего существующего на доброе и злое, хорошее и плохое, святое и грешное.
Люди, которых ребенок считал равными, всех одинаково хорошими, оказались разделенными в результате на две категории: на богатых и бедных, добрых и злых, умных и глупых, симпатичных и антипатичных, смелых и трусливых, почтенных и непочтенных, красивых и некрасивых, буржуев и пролетариев (это деление теперь особенно модно) и т. д. до безконечности [1]).

Много и о многом узнает ребенок, и „чувство равенства“ сменяется в нем „сознанием превосходства“ одного над другим („я лучше тебя“).

В результате счастливый, свободный демократ превращается в „воспитанного“, „приспособленного к жизни“ человека, платя за это превращение дорогую цену; он теряет счастье, душевное равновесие и становится существом *несчастным* и *глубоко-одиноким*. Счастие улетает от него навсегда, чтобы никогда больше ни в жизни, ни во сне не возвращаться к нему. То счастье, которое иногда испытывает взрослый,—«счастье» в ковычках, мираж, намек на счастье, но не более.

---

[1]) Есть еще третья, средняя категория, куда относятся люди „полухорошие“, „полудобрые“,—люди известные под именем „так-себе“, „ничего“ Эта категория не имеет большого значения в жизни.—

Остается указать еще на один очень важный момент в этой фазе развития человеческой психики, а именно: развитие фантазии, начинающееся с первоначального момента воспитания и красною нитью проходящее через все воспитание и через всю жизнь человека.

Конечно, если бы задаться целью описать детально развитие человеческой психики и роли воспитания в этом деле, то можно было бы написать много прекрасных книг, но наша цель иная: указать кратко лишь главные моменты развития психики и причинную связь воспитания с этим развитием, чтобы легче было понять, почему людям не все ясно, почему они часто ошибаются даже в том, где казалось бы нельзя ошибаться.

Ребенок хочет есть, он видит хлеб, и хлеб кажется ему каким то особенным, обладающим какими то неведомыми качествами. Взрослые называют это качество словами «вкусный», «аппетитный». Но этим качеством хлеб обладает, как видно, не всегда, а только тогда, когда ребенок голоден. Ребенка и интересует, почему один и тот же хлеб может быть и вкусным и невкусным, и аппетитным и неаппетитным.

Этим вопросом интересуются многие детские натуры, но за разрешением его обращаются к взрослым лишь наиболее активные, наиболее любознательные. И почти никогда они не получают правильного ответа от взрослых, которые, по убеждению детей, „все знают“ или, по крайней мере, *всё должны знать*. Взрослые, сплошь да рядом, сами не понимают природы этого качества, не знают, что это качество не существует реально в об'екте (об'ективно), как, напр., качества: белый, черный, длинный и т. д., а существуют лишь в нашей психике, что оно создается нашей фантазией, нашим воображением под влиянием тех или иных психических и физиологических факторов (в данном случае под влиянием эмоции голода). Это качество суб'ективно, а не об'ективно; существование его, как и само зарождение, не в наблюдаемом об'екте, а в наблюдающем суб'екте.

Еще пример.

Для ребенка, как мы сказали, до тех пор, пока воспитание не принесло своих „прекрасных“ плодов, всё и все равны. Но вот, он видит и слышит, что люди не только не равны (см. выше), но что даже один и тот же человек может быть и добрым и злым, и симпатичным и антипатичным и т. д.; причем эти совершенно противоположные качества подмечаются в одном и том же человеке не различными наблюдателями, а одним и тем же, а иногда и в одно и то же время. Тоже ребенок наблюдает и в охарактеризировании разных других предметов и явлений внешнего мира. Подмечает он также иногда, что в основе этого разделения лежат вышеуказанные списки: поступок, зарегистрированный в списке „можно“, характеризуется, как поступок

хороший, а суб'ект данного действия, данного поступка — человеком хорошим, и обратно. Но не всегда ребенок находит и понимает причину и основания этого „разделения“.

Кроме того, вышеуказанные списки, хотя и восприняты ребенком, все-таки не обходятся его любознательностью, его безсознательным стремлением найти об'ективные признаки „можно“ и „нельзя“, *добра* и *зла* и т. д.

Нередко воспитатель в таких непонятных ребенку случаях „разделения“ ссылается на целесообразность, как об'ективный признак всего этого „разделения“, но такая ссылка не всегда и не везде возможна, тем более, что целесообразность скорее признак суб'ективный, чем об'ективный.

Ребенок, например, подслушал „нечаянно“ разговор (дети любят подслушивать разговоры взрослых и подслушивать „нечаянно“, как они потом об'ясняют) своей старшей сестры уже взрослой с каким то незнакомым ему „дядей“, которого сестра называла „милым“, „любимым“, „родным“... Теперь же, спустя месяц, она, в разговоре с своей подругой, этого же самого „дядю“ называет „постылым“, „гадким“, „чужим“ и прочими эпитетами, какими обычно награждают мужчины и женщины отставных своих „милых“, прежних своих „кумиров“. Что в этом „дяде“ называют словами „любимый“ и „постылый“, „чужой“ и „родной“, какова сущность этих качеств, чем и как они обусловлены,—всего этого не понять ребенку, как не понять ему и сегодняшнего отношения к нему его родных. Сегодня он проснулся рано, „вместе с солнышком“, как говорит мама. На дворе уже слышны голоса играющих сверстников его. Радость широкой волной заливает, захватывает все существо ребенка. С веселым беззаботным криком врывается он в соседнюю комнату, где громко разговаривают его родные. Он уверен, что этот громкий разговор есть внешнее выражение той же радости, которую ощущает он и которую можно и должно передать, именно, громкими, сильными звуками. Между тем, причина громкого разговора его родных—не радостное настроение, а обычный семейный разлад „семейная сцена“, вошедшая в плоть и кровь „современного общества“. Ребенка встречают не с улыбкой на лице, а сердитым грубым окриком...

Почему?.. Что случилось?...

Ведь, за такой же самый проступок третьего дня его ласкали, целовали, хвалили... И теперь, как и тогда, на дворе светит ярко теплое солнышко, и теперь, как и тогда, он рано встал,—все теперь, как и тогда, третьяго дня. Но почему же его поступок сегодня не только не одобрен, а даже осужден? Почему тогда это было „можно“, а сегодня „нельзя“?

В удобную минуту ребенок придет к воспитателю, если, конечно, воспитатель для него друг, и спросит его обо всем. И тут ни ссылка на целесообразность, ни ссылка на Бога, рай, ад, „можно“, „нельзя“—ни на что невозможна: говорить различное о целесообразности, о санкционировании Богом и т. д. одного и того же поступка, совершенно при одних и тех же обстоятельствах, не совсем удобно и логично. Эти ссылки не удовлетворят ребенка, и он начнет свои безконечные „почему“, от которых любой воспитатель старается во-время улизнуть.

Но в чем же истинная причина? Где правда? Каков корень и природа только что описанных явлений?

Ответ дает нам современная психология, изследования которой за последние десятилетия в высшей степени богаты и ценны.

Предметы и явления внешнего мира производят на нас иногда, в связи с тем или иным психо-физиологическим состоянием, или без этой связи, такое впечатление, что мы наделяем эти предметы и явления особыми, не существующими в действительности, качествами, мало того, выдумываем новые предметы, новые явления, которые имеют лишь кажущееся а не реальное бытие, существование которых обусловлено исключительно нашей фантазией, нашим воображением. Бог (сверх-человек, сверх-естественное существо), ангел, чорт, дьявол, добро, зло, право, обязанность, хорошее, плохое, милый, любимый, аппетитный, приятный, веселый, скучный, интересный, трагический и т. п. предметы, явления, качества, состояния не существуют в действительности (как существует, например, солнце, земля, вода, человек, зверь, гром, молния, день, ночь, красный, белый, длинный, тяжелый, большой,—вообще все то, что воспринимается непосредственно внешними органами чувства), а только в нашей фантазии, в нашем воображении. Все, что под влиянием нашей фантазии кажется нам существующим реально, в науке называется *фантазмами* (из обыденный жизни сюда более всего подходт слово *предразсудок*).

„То,—говорит Л. Петражицкий,—что под влиянием эмоциональной фантазии нам представляется об'ективно существующим, мы назовем эмоциональными *фантазмами*, или идеологическими проектированными величинами.. Импульсивная фантазия создает не только разные качества и свойства для предметов и явлений, чему на языке соответствуют разные прилагательныя, но и разные реально несуществующие величины иных категорий, например, разные несуществующие предметы, положения и состояния предметов, процессы, происшествия их касающиеся и т. д.—чему соответствуют в народных языках разные имена существительные, глаголы, наречия и т. д.“ [1]) (Курсив мой).

---

[1]) Л. Петражицкий. „Теория права и государства“, т. 1 стр. 39.

Тысячи, десятки тысяч таких фантазм, внедряемых воспитателем и создаваемых впоследствии развитой фантазией самого воспитываемого, густым туманом окутывают мозг человека и превращают его в ходячий склад фантазм, который с каждым днем жизни все более и более увеличивается в своем об'еме. Став взрослым, человек часто не может разобраться, где действительность и где фантазия: они тесно сплетены, благодаря воспитанию в душе человека.

Но приходит разум—этот истинный и полновластный хозяин человека, медленно расплетает, и где нужно и разрывает сеть, в которой запутался человек и, освободив его, помогает, ему выбраться на настоящую дорогу, по которой может и должен идти *человек.* [1])

В. Третья ступень, третья фаза развития человеческой психики начинается с того момента, когда разум вступает в свои полные права, один являясь верховным властелином человека.

Если на второй ступени развития разум только заявляет свои права на руководство, борясь за это руководство с эмоциями, то *на третьей ступени разум—победитель, он один—полновластный владыка.*

Эмоции, которые на первой ступени играли первенствующую роль, никем не оспариваемую, на второй вели упорную борьбу с разумом, оставаясь все-таки равноправными с разумом хозяевами положения, на третьей играют уже только *служебно-вспомогательную роль*, подчинены разуму.

Только редкие единицы достигли в развитии своей психики этой третьей ступени,—царства разума. Положение их среди миллионов других, ослепленных сонмом предразсудков, нельзя назвать завидным: это почти всегда *глубоко-одинокие* натуры. Но одиночество их, нужно оговориться, по своей природе иного характера, чем одиночество людей, находящихся на второй ступени развития: там оно обусловливалось, главным образом, „сознанием превосходства“ одного над другим, отсутствием „чувства равенства“, здесь реально-осознанным одиночеством и прежде всего сознанием, что человечество, которое так много кричит о *братстве, равенстве и свободе*, только знает, но не понимает эти святые слова. Они (люди, дошедшие в развитии до третьей ступени) хотят помочь и другим выбраться на правильный путь, но работа их безплодна: большинство людей, стоящих на второй ступени развития, казалось бы, понявших, наконец, где и в чем истина, безнадежно вертится около старого ложного, которое глубоко пустило свои в их душе корни. Безконечная пропасть—всегда между ними: как одни (люди 2-ой ступени), так и другие (люди 3-ей ступени)—одиноки.

---

[1]) Большая часть современного человечества находится на второй ступени развития человеческой психики. Руководителем на жизненном пути современного человека являются эмоции совместно с разумом.—

У человека, дошедшего до 3-ей ступени развития, руководство и первенство в психике принадлежит, повторяем, разуму, который безпощадно разрушает и уничтожает на своем пути все (перед чем преклонялся до сих пор человек, во что он слепо верил, что считая незыблемыми основами жизни) и прежде всего фантазмы служащие преградами на пути к истинному счастью *человека*.

Не нужно только думать, что разум уничтожает все фантазмы сразу,—„одним духом“, как говорят. Нет, такая работа ему не под силу да и значение ее, если бы разум мог ее совершить, было бы ничтожное и отрицательное: революции в области психической жизни приводят большею частью к „уродовачию“ и лишь в редких случаях к кое-какому перерождению.

Разрушая все на своем пути, разум оставляет только то, что непосредственно передалось органами чувства в наш мозг, и знание, основанное на опыте, наблюдении, фактах и логике.

Разум—злейший враг метафизики и теологии, но лучший друг истинного позитивизма, выдвигаемого и развиваемого наукой, заметим кстати, еще задолго до Ог. Конта, которого неправильно считают „отцом позитивизма“ [1]).

Природа государственной власти.

Резюмируя кратко все сказанное в предыдущей главе, мы приходим к следующему выводу: на каждой ступени развития человеческой психики первенство и руководство принадлежит различным элементам: у маленьких детей (до начала воспитания) и первобытного человека первенство принадлежит преимущественно, если не исключительно, *эмоциям*; у детей (с началом воспитания и проявления плодов этого воспитания) и современного человека—*эмоциям и разуму* (в результате этой коалиции, этого двоевластия, поддерживаемого воспитанием, появляются фантазмы); у взрослого человека, окончательно сбросившего с себя цепи воспитания, и вступившего в последнюю фазу развития человеческой психики и у будущего человека вообще—*разуму*.

Очень много времени тратится на воспитание человека, которое, благодаря своему методу, средствам и цели, превращается в уродование человека, его души. Сознательно и бессознательно, вольно и невольно воспитатель развивает в человеке (разумном существе) не разум, не

---

[1]) Если первобытное человечество, первобытный человек в частности, находилось на первой ступени развития своей психики, современное человечество (ведущее свое начало с момента зарождения современной культуры)—на второй, то будущее человечество, без сомнения, после долгого „странствования“ придет к третьей ступени, к третьей фазе.—

интеллект, а фантазию, и тем самым развивает в нем не самодеятельность, которая без развития разума даже немыслима, а опутывает его разными теологическими и метафизическими началами, сущность, значение и ценность которых не всегда известны и понятны самому воспитателю. Став „взрослым“, выйдя внешне из-под опеки воспитателя, человек внутренно остается тесно связанным с ним он не только не сбрасывает с себя его воспитания, не уничтожает его наследия—мириады фантазм, но сам „творит“ их, по привычке, внедренной и развитой с детства и увеличивает тем это наследие для будущего поколения.

В особенности ярко последнее проявляется у так называемых „людей науки“. Казалось бы, что у них только разум должен быть руководителем в их исканиях истины. В действительности же дело обстоит далеко не так: коалиционная власть—эмоций и разума,—ведущая в лучшем случае, к метафизике, руководит „людьми науки“ в их научных изысканиях. Вместо того, чтобы раскрыть истинную природу власти, показать ее настоящее содержание, ученые лишь обогащают науку новыми фантазмами: „едиными волями“, „непреодолимыми силами“, „первоначальными силами“ существующими по их мнению, „в сфере социальных явлений“ и существующими как нечто реальное, „подобно силе физического тяготения“. Это фантазирование обусловлено прежде всего способностью и склонностью человека (воспитанными в нем годами, с детства) к фантазии, а потом и односторонним взглядом на общество, при котором явно и тайно, сознательно и бессознательно игнорируется человек (личность)—индивидуальное начало общественной жизни.

Пр. Рейснер правильно указывает, что „в основе таких заблуждений лежит вполне естественная черта: государство, как идеология, до такой степени охватывает психику занимающихся этим предметом теоретиков, что они невольно трансформируют свое сознание в государственности и под гипнозом государственных идей проделывают то же, что и всякий политический деятель, искренно и убежденно пропагандирующий идею государства, воплощающий идею государства, воплощающий ее в своем поведении. Для такого деятеля государство не есть нечто становящееся или должное,—оно есть непреложный факт; *для такого фанатика государство существует так же, как для верующего существует Бог.*“ [1]) (Курсив мой).

Какова же истинная природа государственной власти? Каково ее действительное материальное содержание?

Чтобы ответить правильно на этот вопрос, нужно помнить, что государственная власть, как социальное явление, возникает и существует только в коллективном соединении личностей. Все же то, что зарож-

---

[1]) М. Рейснер. „Государство“, стр. 17.

дается и живет в обществе, получает свое начало в личности, в психике человека, в коллективном соединении, где, прежде всего, родилась и живет личность, оно оформляется, принимает тот или иной характер, форму и отчасти, объем. Следовательно, природу или что то же сущность власти нужно искать в психике человека, ее форму, характер и объем нужно искать в общественной жизни.

Эту работу прекрасно выполнила психологическая школа, [1]) пришедшая в своих исканиях в конце концов, к следующему выводу: государственная власть—величина идеологическая, она не нечто реально объективное, а фантастически — субъективное; государственная власть есть фантазма, содержание которой—особые права — (право приказывать, называть и распоряжаться), которыми мы наделяем некоторых людей (властелинов), и соответствующие обязанности всех остальных (подвластных).

Проф. Л. Петражицкий, один из талантливейших представителей и основоположников психологической школы права, так определяет государственную власть: ,,*государственная и вообще общественная власть есть* не воля и не сила, вообще не нечто реальное, а *эмоциональная проекция, эмоциональная фантазма;* а именно, она означает особый вид приписываемых известным лицам прав... Мы можем определить подлежащие права, как правоотношения, состоящие в обязанности одних (подвластных) исполнить известные или вообще всякие приказания других (наделенных властью) и терпеть известные или вообще всякие воздействия со стороны этих других". [2]) (Курсив мой).

Обусловленная в своем зарождении и существовании нашей психикой общественная власть, чтобы стать ,,сильной", ,,твердой", опирается на реальную силу (войско, полицию и т. д.). И вот это последнее явление—характер и сила общественной власти—обусловливается уже *массовой* психикой, являющейся лишь механической суммой переживаний отдельных личностей. ,,В случае нежелания подчиниться со стороны подвластных,—говорит Петражицкий,—в психике *тех, которые приписывают себе власть*... и *других, психически с ними солидарных,* действует свойственная правовой психике... тенденция заставить строптивых подчиняться, наказать за непокорность и т. д. Поскольку имеются другие подвластные... то, кроме собственной физической силы или вместо нее, у властителя... имеются в распоряжении силы этих других подвластных, чтобы одолеть сопротивление строптивого и непокорного подвластного... Чем больше имеется таких, которые приписывают данному лицу, хотя бы дряхлому и безсильному старцу, право на послушание с их стороны и, сообразно с этим, исполняют его распоряжения, тем

---

[1]) Виднейшие представители—Петражицкий, Бирлинг.—

[2]) Л. Петражицкий. „Теория права и Государства", т. 1, стр. 198, 99.—

большею коллективною силою распоряжается властитель, тем более могущественным повелителем он является. Отсюда смешивающие совершенно разнородныя вещи представления государствоведов о государственной власти, как „непреодолимой силе“ или единой воле государства, снабженной непреодолимой силой и т. п. наивно реалистические или фантастические представления“. [1]) (Курсив. мой).

Близок этому взгляду на природу государственной власти и Рейснер: „Чрезвычайно распростра ено воззрение на государство, как на законченное существо. Создаются фикции и иллюзии. Даются многообразные определения несуществующего. Как нечто не научное устраняется из науки о государстве политическая история, а безпощадно разбитые ею фантазмы возводятся в норму, тип“. [2]) Между тем „*государственная власть, существующая лишь в психике, в частности в сознании людей, настолько лишена материальных признаков, что никто не откажется считать ее именно идеей,* проявляющейся лишь постольку, поскольку люди делают ее принципом своего поведения“. [3]) (Курсив мой).

Укажем еще на формальный характерный признак, отличающий государственную власть от всякой другой общественной власти (вид от рода). Этот признак есть *суверенитет*, отрицательное содержание которого—независимость, положительное —верховенство.

Государственная власть *независима* от какой-либо власти общественной и *стоит сама над всеми* общественными властями, существующими в государстве (церковная власть, власть земских, городских самоуправлений, власть различных союзов и т. д.). Независимость государственной власти понимается гораздо шире ея верховенства: государственная власть верховна, т. е. ей подчинены все общественные власти, существующие внутри государства, независима же она от всякой власти, внутри или вне государства существующей.

Почему же?

Теперь, когда мы поняли истинную реальную природу государственной власти (власть—фантазма), перед нами—такой вопрос: почему современная наука, этот свет по пути к лучшему будущему человека. не вступает в борьбу с этой фантазмой, как вступает она в борьбу с фантазмами: ведьма, чорт, домовой, леший, колдовство, знахарство, различного рода суеверия, божественность происхождения власти и т. под. предразсудками?

И далее.

---

[1]) Там же, стр. 207.—
[2]) М. Рейснер. „Государство“, стр. 17.
[3]) Там же, стр. 14.—

Почему наука не только сама не вступает в эту борьбу, но даже осуждает резко тех, кто пытается вступить в борьбу с этой фантазмой?

Ответ на эти вопросы отчасти был дан выше: даже виднейшие представители науки пропитаны ,,до мозга костей" безчисленным множеством различных фантазм, пропитаны в частности ,,государственностью", слепо верят в реальность того, что по природе своей лишь фантастично, что существует лишь субъективно, а не объективно.

Другая часть ответа ярче всего формулирована Л. Толстым; ,,правящие классы (разумея под этим не одни правительства с их чиновниками, но и все классы, пользующиеся исключительно выгодным положением: капиталисты, журналисты, большинство художников, *ученых*) могут удерживать свое исключительное выгодное—в сравнении с народными массами—положение, только благодаря государственному устройству,, (Курс. мой)... Боязнь, что все станут равны, что не будет бедных и богатых, что не удастся одним жить за счет других и т. д., побуждает многих ученых, представителей науки вступать в самую отчаянную борьбу с разрушителями государства, с противниками всякой государственной власти.

В последнее время некоторые ученые в своих исканиях дошли до истинной природы государственной власти, до того, что государственная власть ,,лишена материальных признаков", что она величина идеологическая, ,,не нечто реальное, а эмоциональная фантазма", но сделать соответствующие логические выводы далее до конца они, по всей вероятности, не успели, забыли и боялись...

Могут возразить, что наука в лице своих представителей—ученых может и должна бороться лишь с *вредными* предразсудками, с фантазмами, приносящими вред человеку, с полезными же, *необходимыми*, фантазмами, на которых покоится очень много ,,человеческого", она (наука) не только не должна бороться, а наоборот, поддерживать должна их. Я сомневаюсь в необходимости этих ,,полезных" фантазм для человека, хотя бы потому, что все ,,человеческое", что они поддерживают, далеко и очень далеко от человеческого. Неужели современный общественный строй с его делением на богатых и бедных, поработителей и порабощенных, рабов и рабовладельцев, умирающих в непосильном труде и бездельников, ,,наслаждающихся жизнью"; общественный строй политически классовый, с логически и психологически вытекающей неизбежностью ,,классового антагонизма", ,,классовой борьбы", в которой погибают миллионы людей, с его войнами, смертными казнями, тюрьмами, ссылками, преступлениями, развратом, безнравственностью и т. п. последствиями может быть назван человеческим? Взгляните вокруг себя и вы увидите, как мало человеческого в современной государственной форме общежития; вы увидите, что и теперь как и прежде ,,с человеком тихо".

Но не только фантазмы, поддерживающие современный строй, могут быть поставлены под сомнением в своей полезности,—я настаиваю на большем: все фантазмы в той или иной степени вредны, все они лишь палки в колесе человеческого (без ковычек) прогресса. Если же вред очень многих из них мы не замечаем, то только потому, что первенство в нашей психике принадлежит коалиции, (эмоциям и разуму), порождающей фантазмы. Сейчас большая часть энергии разума уходит на борьбу с эмоциями за первенство и подчинение последних своему контролю, но настанет день—победит разум, и тогда станет постепенно очевиден вред всех фантазм.

Но этот день еще далек, а потому не лишне будет проследить хотя бы вкратце, как исторически, возникла, укреплялась, развивалась и жила фантазма государственной власти, и какую ,,пользу" приносила и приносит эта фантазма человечеству вообще и человеку в частности.

Б. С.

(Продолжение следует).

Общественная жизнь.

Синдикат или партия.

„Во всем цивилизованном Мире, где царство крупной индустрии все более и более расширяет сферу своего влияния и консолидирует свои позиции, общее социалистическое движение конкретизируется преимущественно в двух раздельных, часто находящихся во взаимной коллизии, органах: в **социалистической партии**, и в **профессиональном союзе** или в **синдикате**",—говорит Э. Леонэ в предисловии к своему труду „Синдикализм".

Социалистическая партия почти везде и почти всегда ставила себя, так сказать – превыше синдиката, лишь себя мысля действительным духовным, идейным и классовом вождем рабочих. Но, как полагается, и на социалистической партийной Шипке „все спокойно", но не все обстоит благополучно: и в партийной мысли социализма с давних пор уже вырисовалось по отношению к профессиональному, революционному рабочему движению два течения, два взгляда: — **Нейтралисты** упорно проповедывали воздержание синдикатов от какой бы то ни было политической работы, из боязни, что тем самым в ряды профессиональных союзов проникнет разложение и несогласованность действий, направленных, конечно, в помощь социалистической партии, которая должна опекать

своих питомцев—рабочих и их классовые организации, профессиональные союзы—как в политическом отношении, так и в духовнсм, идейном.

Другое течение требовало, чтобы синдикат был записан в партии наравне с **избирательными** кружками и пользовался бы лишь совещательным голосом, Как видно и те и другие мыслят синдикат как предіверье к тому храму истинного социализма („научного"), что имеет место исключительно в партии, (да и то лишь в комитетах ее). И тем самым, упуская из виду, что пролетариат есть класс не политический, **а экономический**, производительный, что классовая борьба выражается не в парламентарном состязании на захват большинства голосов, не в политической схватке, но в экономической—отдают партии, фактору прежде всего политическому, преимущество перед синдикатом, т. е. перед фактором экономическим.

Э. Леонэ вполне правильно замечает: „Профессиональный синдикат есть орган стихийного экономического производства".

Партийные социалисты — марксисты стремясь свести классовую борьбу к опусканию избирательных бюллетеней в урну, забывают, что весь смысл марксистского понимания истории, исторического материализма, — как раз заключается в том, чтобы всякую политическую ситуацию, а следовательно и деятельность партий, представить продуктом взаимоотношения классов—групп, прежде всего определяющихся экономически: „производители" и трутни—„потребители".

И в этом отношении весьма характерно ироническое замечание того же Леонэ, в статье «Что такое Синдикализм»: «Миссия в истории партий заключается в том, чтобы так или иначе проявить те именно силы, которые действуют помимо них самих».

На самом деле — партия, как бы велика она ни была, как бы ни захватывала она более или менее значительное число рабочих, насколько бы ни была она «массовой» — никогда не сможет об'единить под своим знаменем политической борьбы **весь класс** пролетариата. Да и кроме того из-за непременного и обязательного придатка: «партийной дисциплины»,—накладывающей свою тяжелую длань на всякого, разошедшегося во взглядах с «руководящими центрами» партии,—происходит дробление не только фиксированных партийных работников и самой партии, но и тех, в сущности своей безпартийных и антиполитиканствующих, рабочих групп, что составляют партийные «массы».

И вместе с дроблением в партийных рядах—яд разложения, взаимного непонимания и враждебности проникает и в ряды рабочего движения, движения профессионального и классового. Социалистическая партия, вовлекая рабочих в неприносящую для них никакой пользы парламентарную борьбу, отвлекает рабочий класс от непосредственного задания, полученного им от всего исторического процесса,—классовой борьбы,

гражданской войны за освобождение не только пролетариата, но и всего Человечества; партия становится посредником между **классами** и тем самым мешает развитию **непосредственной борьбы** самих рабочих, борьбы экономической.

Партия, загромождая сознание рабочих авторитетами, лидерами и т. п. не оставляя за ними ни капли классовой самодеятельности, не считаясь с индивидуумами, элементами общества и упуская из виду, что «общество — это собрание личностей составляющих его; у него нет независимой, собственной жизни вне их». (Борьба рабочих в XIX веке. Эмиль Пуже)—и что благо общества есть личное благо человеческих существ, составляющих общество. Но это еще не все прелести свойственные партии, хотя бы и социалистической; тот же Пужэ в статье «Демократическая узда» говорит: «Буржуазия с намерением помешать расцвету **экономического** (курсив наш) могущества, заключающегося в зародыше в ассоциациях рабочих — **синдикатах**, которые она только что старалась задушить, направила народ к миражу **политической** (курсив наш) власти: ее бессильные проявления не могли и не могут стеснять капиталистической эксплоатации. В обществе действительными являются только экономические функции, вполне полезные лицам и группам. Следовательно всякая внешняя кристаллизация, каждое новое политическое начинание только паразитные и угнетающие народ — а потому и вредные—наслоения».

И в выполнении этого задания — социалистическая партия любезно предлагает буржуазии в помощь свои услуги.

Партия, как „боевой" орган пролетариата, только тогда имеет хоть какое нибудь историческое значение, когда-либо стоит у власти, либо **непосредственно** борется за власть. Но и то и другое случается не слишком часто, так как прилив рабочих масс в партию происходит изредка и непериодически. Сам институт партийной организации—явление исторически недавнее. Но и за сравнительно недолгий срок своего существования он уже успел показать полную свою несостоятельность в деле „освобождения" рабочих и человечества.

Профессиональное же об'единение не есть следствие искусственной культуры; оно зарождается всегда и везде, и при том под влиянием внутренней необходимости. „Нечего удивляться, говорит Э. Пужэ, что Рабочий Синдикат обладает интенсивной жизнеспособностью; полное его уничтожение невозможно уже только по одному тому, что, уничтожая его, пришлось бы уничтожить все современное общество".

Всякая партия, по своей сущности, неминуемо даже при своей победе встанет на путь примирения с буржуазией, примирения труда с капиталом.

В то время как синдикалистская рабочая организация „не враждует с частичными улучшениями, но только отводит им належащее место и,

в отличие от законников, всех цветов, держится того взгляда, что и в деле **достижения частичных улучшений необходимо прибегать к революционным средствам**“... Она—враг реформизма, так как создалась для борьбы, с максималистской альтернативой: либо победа—либо смерть, либо все—либо ничего, для борьбы, в которой нет места бесплодным мечтаниям о примирении труда с капиталом.

А социал-демократия заявляет, устами одного из своих швейцарских представителей, **Грейлиха**, не стыдившегося открыто печатать, что „чем меньше рабочие будут раздражать буржуазию,—тем лучше“,—что буржуазию нужно просить, покорно и смиренно, ради человеколюбия сделать кое-какие уступки. „Что же касается нас, анархистов,—мы утверждаем, что какова бы ни была форма государства (по сути своей института защиты прав—угнетателей на угнетение трудящихся, а рабочих—быть угнетенными),—борьба рабочих против капиталиста, чтобы быть продуктивной, должна быть революционной“—(Сборник «Хлеб и Воля»; Кропоткин, Черкезов, Реклю и Бертини; статья «Стачка»).

И внепартийный профессиональный союз—рабочий Синдикат—от самой жизни, от всего хода истории получает назначение сплачивать рабочих не только для об'единения в революционной борьбе, в разрушении, но и для мирного развития в данной области производства. „Кроме безпрестанных стачек, пишет Пужэ, Синдикат или Профессиональный Союз стремится к полному освобождению, где он и явится существенным деятелем; оно будет состоять в обладании общественными благами, ныне захваченными буржуазией и государством, преобразовании общества на экономических началах таким образом, чтобы посредством минимума производительных усилий получался максимум благосостояния“.

Резюмируя все вышесказанное, мы находим, что доминирующим началом, отличительным признаком всякой социалистической партии является органическое стремление ее встать посредником между классами, находящимися в непримиримой вражде, представить собою класс пролетариата, «примирить непримиримое»—труд и капитал, а при получении тем или иным путем в свои руки кормила правления —произвести то же самое, в целях удержания власти и „упорядочения“ механизма управления (обращение к технической помощи подрядчиков, капиталистов и т. п. специалистов своего дела, для налаживания расстроенной промышленности и пр.); в то время как базисом Синдиката—является об'единение самих рабочих по производству для **непосредственной, революционной борьбы**, без всякой парламентской мишуры и политической болтовни, для **борьбы экономической, не за власть**, но за **благосостояние для всех**.

Леонид Грабарь.

Что мы делаем и что должны сделать?

Приближается прекраснейший момент истории, когда последние потомки обанкротившейся в конец Власти с'едят сами себя и народным массам останется только расшвырять со своей дороги все их истлевшие плакаты и манекены. Для всех нас ясно, что современная власть держится исключительно давлением снаружи. Если оно ослабнет, ее патентованная неспособность к творческой, хозяйственной работе сделается до того очевидной для масс, что единственным прибежищем власти останется разве армия.

Кто то должен будет тогда взять работу в свои руки. Кто то должен будет сыграть роль гармонирующего центра для местных хозяйственных ячеек, кто то должен для этого знать хозяйство Коммунальной России, как хороший крестьянин знает каждый камень своей усадьбы, как дельный рабочий—каждый винтик своей машины.

Будем ли мы этим «кем то»? Что делаем мы для того, чтобы сыграть эту единственную в истории роль? Хотелось бы верить, что я ошибаюсь, но мне наши с'езды, да пожалуй добрых две трети всей работы поразительно напоминают картину нелегальной партийной работы дореволюционного периода. Что то спорят о «переходной стадии». Что то «принципиально обосновывают». Кто то развозит литературу. По самому методу это не работа анархистов—не массовая и не созидательно-хозяйственная. Это опять кружковщина, «центр», директивы...

Массы на местах в конечный, великолепный момент сдвига сделают свое дело,—это мы знаем. Но мы то сможем ли дать им единственное, что от нас требуется—ориентацию (так мало!), знаем ли мы сами все что нужно, чтобы дать ее?

Для меня ясно—пора бросить какие бы то ни было принципиальные разговоры, пора перестать заботиться о чистоте каких бы то ни было принципов, хотя бы и самых анархических. Нужно больше доверять себе, больше уважать себя. Солнце во мне — есть солнце и никогда ничего с ним не сделается, пока я помню, что каждый день моего времени здесь и каждый кусочек моего мозга принадлежит жизни и ее

творчеству и должны быть так приспособлены и так вооружены, чтобы в нужный момент дать восставшему народу ту помощь, на которую он в праве рассчитывать.

Задачи и горизонты анархизма необ'ятны и насквозь духовны—это палочка волшебника, которая преображает все, до чего касается. Философия, музыка, архитектура, формы быта в свете нового отношения к ним расцветают самыми неожиданными, самыми богатыми цветами. Но это потом. Это все будет. В такой острый момент, как сейчас, от нас требуется одно: знать свое хозяйство и его нужды. Мы должны видеть его вот так, на ладони и в первую голову, конечно, (особенно мы, северяне) должны знать все, что касается продовольствия—ибо *есть* надо каждый день и малейшая заминка в этой области грозит массам отчаянием, потерей энергии и злобным хаосом вместо творческого строительства. Нужно сберечь живое—так хочет наша большая любовь к людям и их творчеству. Мы должны знать свое хозяйство.

А для того чтобы знать, мы должны работать во всех хозяйственных ячейках страны, должны входить в них в качестве чего угодно, самыми обыкновенными наемными служащими—делопроизводителями, кладовщиками, кем угодно,—оставаясь на каждой работе до тех пор, пока не узнаем все, что нам нужно знать, и немедленно переходить на новую.

Каждая местная анархическая ячейка должна путем докладов суммировать все полученные сведения, выясняя свои пробелы и слабые стороны, а группы Москвы и Петрограда должны бы иметь двоякие задания: 1) суммирование деятельности местных ячеек и организацию новых и 2) ориентацию в работе центральных хозяйственных органов Советской Власти.

Для начала нам нужно сейчас же, не сходя с места, подсчитать наши силы—где и кто у нас имеется—и просить товарищей, работающих в таких важных областях, как транспорт и продовольствие, сделать доклады по имеющимся у них материалам. Доклады должны носить характер статистический, хозяйственный, а не полемический, чтобы не походить на безплодные сетования—„вот они, большевики, мол, что делают"...

Во вторую очередь нужно делегировать товарищей по местам для постановки аналогичной работы.

Если даже не удастся полно и стройно суммировать полученные данныя—так как постройка суммирующего органа—толково, реально суммирующего—очень не проста, а работники в такой новой области должны быть почти гениальны, (так как ничего, ведь, нельзя оставить по старому)—все же самый обмен мнений при докладах сделает очень много.

Я хотела бы еще обратить внимание на особенности очень важных для нас двух хозяйственных областей,—транспорта и земледелия.

Вопросы транспорта для нас, особенно серьезны. Работа коммун на местах наладится быстро. Потребность обмена приведет их само собой к установлению правильных и справедливых отношений. Но некоторые отрасли хозяйства окажутся в исключительном, в привилегированном положении. В первые же дни и недели восстания транспорт скажет—для себя я достану все, а потому Вам, остальным,—хочу везу, хочу нет—хозяин обмена Я. Для того чтобы избежать этой новой диктатуры надо или противопоставить ей твердую власть (и подачки всякого рода!), как это делают большевики, или суметь забрать транспорт в свои руки путем заблаговременно поставленной пропаганды и организации.

Другим любопытным пунктом нашей будущей хозяйственной программы является земледелие.

Несомненно, что с вопросом о земле большевики потерпели неудачу. Крики крестьян—земли, земли,—имели смысл в условиях капиталистической обработки ее. Теперь все изменилось: продавать некуда, покупать нечего, копить незачем. Теперь земли относительно, слишком много, раз за покрытием всех надобностей крестьянина у него остаются излишки, которые приходится отчуждать силой. Площадь запашки должна в ближайшие годы сильно сократиться, так как быть крепостными нового строя никто разумеется не захочет. Земли оказалось слишком много, а кроме этой ненужной земли большевизм не сумел ничего дать крестьянству. Жизнь деревни осталась по прежнему нищей—жизнью тяжелых будней и пустых праздников—творческий дух человека бьется в ней, как в клетке.

Нам надо обратить сейчас же самое большое внимание на организацию анархических земледельческих коммун, которые являлись бы пропагаторами коллективного коммунистического пользования землей и помогали бы Крестьянским Советам преобразовываться в настоящие земельные коммуны, самые прекрасные человеческие общежития.

У нас столько дела, столько реальнейшего, интереснейшего дела, что спорить некогда. Лучше, чтобы было сделано с ошибками с уклонами—только бы было сделано.

Е. Гуро.

Художественный отдел.

---

* * *

Из темных, грязных и сырых
Подвалов и лачуг,
Иди на свет, иди на бой
Рабочий бедный люд.
Пришла пора: ужели мы
Отступим пред грозой?
Ужели снова, как рабы
Мы склонимся спиной?
Ужели будет капитал
Победу прославлять!?.
Внемли бедняк! твой час настал
— Ты должен наступать.
Смелее в бой, теснее круг;
Довольно ждали мы...
Сыны подвалов и лачуг
В железные ряды!

Сер. Воскресенский.

ЦАРЬ.

Был такой хитрый-прехитрый мужичонко в деревне, Семиком звали. Отслужился он в солдатах, пахватал крестов-медалей, за дела какие неведомо, вернулся в деревню, стал жить.

А от работы-то деревенской отвык.

В деревне без работы, известно, как жить. Мужики наши христарадников-то не больно жалуют: раз кусок подадут, два—пирога отрежут, а в третий, ведь, и попрекнут:

— Ты вот, что, парень хороший! Руки то у тебя пожилистей наших, ноги то поупористее—пора бы тебе и на работу стать!

Стали и Семику отказывать. Он и так к ним и етак, а у них один про него ответ:

— Будет, паря, христарадничать-то! От работы нашей отвык—к ремеслу приспосабливайкося. Вон у кузнеца подручного нет--шел бы к нему!?

А Семику куда тут в подручные: с медалями-крестами пойдет он в подручные, как же! Аль на свете легкого труда солдат царский не найдет?

И нашел.

Сидел Семик в кривобокой избенке своей, сидел, прилаживал к грудям кресты-медали, прилаживал, смотрел на себя в зеркальце, смотрел, да вдруг его леший и надоумил:

— Батюшки-светы, а ведь ликом то я на царя похож!

Всплеснул он руками, прижал к грудям кресты-медали, да через село, да через дорогу, да прямиком к Авдотье старостовой на огород. Походил круг нее, погуторил, как каждый вечер круг нее южил, а потом так и закидывает:

А что, Дуняшечка, ты патреты царские видела?

Авдотье как не видать? У старосты отца ими все углы напичканы. Поглядела она на Семика да так прямо и бухнула:

— Ищо бы не видать! Мало у нас—в волосном их полно, в разных видимостях. Вот ты, скажем, на царя очень смахиваешь!

— Смахиваю?—обрадовался Семик.

Очень смахиваешь!—ухмыльнулась Авдотья,—а разумом, я чай, совсем похож. Дурень тот, бают, здоровеннейший.

Обозлился Семик, да со зла и признался:

А вот погляжу я, что ты говорить будешь, как я царем объявлюсь?!

— Объявись, ухмыльнулась Авдотья,—объявись. Намнут те, чай, бока-то, страсть! И по делом вору мука, ишь ты в солдатчине то как разухабился. Только бы тебе круг девок южить, шпирты свои трескать, в гармонь играть, а работать не хошь...

Посмотрела на него Авдотья, ухмыльнулась еще раз заржавленными от солнца и ветра губами и ушла с хворостиной корову искать.

А Семик харкнул ей в след и домой: сел на заваленку, упер голову в кулаки, кулаки локотками в колени, ноги в земь, и давай думать, как царем объявиться, легким трудом век прожить.

— Объявлюсь!--думает,—как пить дать—объявлюсь! Ликом я похож, царским обиходом речь с мужиками могу вести, солдатам смотр учинить—учиню, енералов по матушке пустить—пущу... Сколь я его на парадах етого самого царя перевидал--ужли по евонному обиход не сведу?

Прогнали мимо Семика и овец и свиней и коров давно; уж и пыль придорожная после них на траву полегла; уж кой где по траве и роса пошла; уж и кривой Фома с трещеткой на караульную пошел;— а Семик все сидел и думал, так и етак прикидывал.

Прикидывал, прикидывал, да к утру и решил:

— Была не была—объявлюсь! Ето чтоп наших то холуев деревенских да не оммануть—так на что тогда и солдат я! Сделаю, вот те крест! Доберусь до казны, сцапаю миллион, и пойду заграницы жить, жизнью пользоваться. Иначе мне с еста-места не встать.

Одначе с еста-места он встал, собрался, к грудям кресты-медали приладил, да чуть свет из деревни вон, в другие волости, в чужие губернии—себя царем объявлять.

И ведь, что же вы думаете? Объявил!

Шел он молча три дня, шел не спал три ночи и шел не большой дорогой, а все прямиком, тропами, да тропочками, межами да промежками и в три дня вышел в сторону неведомую, в деревню незнамую к людям неслыханным: таким, что и разговор у них был на свой лад, в роде, как иностранный.

И стал им Семик себя царем объявлять.

Зашел в избу, честь честью на образа помолился, с хозяевами поздравствовался, шапку с посохом у дверей оставил, откашлялся и на скамеечке присел: так и так, мол, прохожему передохнуть, люди добрые, дайте—места, чай, у вас не просидит.

А дело было к вечеру: после ужина, после деньской маяты, известно, охочи мужики с странним человеком потолковать —где, дескать, да что слышно?

Стали мужики с Семиком разговаривать: откуда, дескать, идешь? зачем, да куда? да по какому делу? да что на свете делается, о чем люди толкуют, кого слушают, какую думу думают, какие дела делают?

Стал им Семик рассказывать, а при всем том свою линию гнет. Гнул гнул, да и догнулся—начали мужики промежь себя перешептываться:

— Чудной—ат человек что то! Не ризиртер ли в недобрый час?

— Ризиртеры откуда же, коли войны нет. Не блудящий ли какой?

— А то и просто конокрад жеребцов высматривает. Етак вернее будто бы!

Пошушукались мужики, пуще прежнего стали Семика допытывать, каждое слово его жевать, да просеивать. Сами, между прочим, ребятишкам велели Алехина солдата скричать—дошлый человек был, да к тому же и старика Родионыча прихватить—тоже грамотей был, в очках ходил.

Те в миг пришли, поздоровкались, стали спрашивать.

Тут то Семик аккурат и объявился. Поглядел на солдата, улыбнулся ему так-етак ласково да и бухнул, как тому и быть должно:

Узнаешь, братец?..

Алехин-солдат зенки раскрыл, головой мотнул—не признал никак.

— Какого полка, братец?—Семик его спрашивает.

— Такого-то, пехотного, запасного—говорит тот.

А Семику аккурат полк-ат етот знаком был. В какой то раз с етим полком вместе смотры царю делали. Тут Семик нос-ат курносый задрал, хвост распустил, да и ляпнул:

— Верховного своего главнокомандующего не признаешь, братец, а? А в таком то месте, такого то числа смотр я вам учинял, братец, помнишь? Еще дождь ливмя лил, еще дивизионный ваш, как на караул шашкой брал, да серой кобыле своей шашкой шею чиркнул, помнишь?!. Я-ж тогда замест чарки велел вам по целковому дать—помнишь?!.

Ну, тут будто бы и впрямь Алехин-солдат вспомнил. Посмотрел на Семика, щитком етак руку ко лбу приложил, пригляделся, потом упер руки в боки, да как загрохочет в превеликую, точно ума рехнулся.

— Батюшки-светики! родные мои, а ведь и впрямь ето он! Глядите-ка старики—он, лопни глазыньки он, да знаете кто ето, старики, а?

А старикам где же сообразить—глядят-глядят, признать не могут. Насупились—спрашивают:

— Да хто такой—говори! Знакомый штоль твой?

А Алехин солдат грохотает пуще прежняго:

— Всем знакомый, родимые, всем голубчики. Вы глядите, как похож то!

— Да на коего лешого похож то?

— На царя-осударя, Николая Романова, разве не похож, старики а?!

Ахнули старики, пригляделись, присмотрелись, на свет Семика привели, потом все в одно слово:

— И впрямь царь, и впрямь Николай! Вот тебе бабушка и Юрьев день! Слу-у-учай!

Дивятся мужики, смотрят на Семика и хихикают:

— Чтож ты из под стражи убег штоль?!

— Убег!—говорит Семик.

— А у нас баили тебе капут положен. Схоронился ты стало быть?

— Схоронился!

— Куда же теперича лыжи востришь?

Вздохнул Семик, важно так ответствовал:

— К брательнику моему двоюрному, королю Аглицкому путь держу.

— Так, —буркнули старики,—так, что же?—дело хорошее. Он хоша и нехристь, а все таки, чай, брата на прокорм примет. Разве что вот этак же, как ты, кувырком полетит... Ну тогда вместе ходить будете... Веселей, чай, вдвоем то?

— Да, веселей!—говорит Семик.

Говорит, а сам диву дивуется: никакого уважения мужики ему не делают, головами качают-хихикают, да еще словами острыми над ним измываются. Посидел он так, посидел, потом встал, шапку взял в руки.

— Ну, прощайте,—говорит,—православные!

— Прощай,—старики говорят,—назад не ворочайся.

— Лихом не поминайте!

— Ну что там—кто старое помянет, тому глаз вон. Иди, иди с Богом, батюшка, прямиком, да подальше.

Только одна старуха столетняя сползла с полатей, окрикнула мужиков:

— Полно вам, охальники!

И подошла к Семику поближе. Глянула ему белыми глазами прямо в лицо и спрашивает:

— Так ты что же теперича, побираесси штоль?

— Побираюсь!—сказал Семик.

— Ну так и от нас прими Христа Ради!

Отрезала ему хлеба кусок и подала. Взял его Семик, поклонился еще раз, повесил голову и пошел вон из избы, куда глаза глядят: очень ему все это обидно было:

— Как же так дело вышло?! Царем признали, а уважения никакого не сделали. То ли я не умею царев обиход вести, то ли на мужиков напал—дураков чистых. Надо еще попытать!

И еще раз попытал Семик в соседнем селе.

В одну избу зашел, в другую—все как и первый раз. Дивуются мужики, руками разводят, словами язвят, зла не имеют, а уважения никакого не делают. Только в одной крайней избе сделали Семику уважение парни пьяные: поднесли стакан самогона.

Давно не пил Семик—стакан так одним духом и выглохтал. А парням только того и надо было:

— И в сам деле, должно, что ты царь! Окромя него никто так водки жрать не может.

И тоже подивились, похихикали, а потом выгнали.

— Ты,—говорят,—на своем веку много попил, а у нас последнее. Нам с тобой кампанию вести не с руки: ты нас всех перепьешь!

Заупрямился было Семик—очень уж самогон ему по вкусу пришелся—да пригрозили парни в холодную посадить, доложить кому следует и ушел Семик.

Вышел он за околицу, сел на камешек при дороженьке стал думу думать, по пьяному делу на всех жаловаться, всех бранью донимать.

Поругался, поругался, да так тут на камушке и уснул. А проспался—утром встал шелковый. Почесал затылок, повздыхал, поснимал с грудей кресты-медали и пошел прямиком к кузнецу в подручные.

И умно сделал: по нонешним временам в подручных у кузнеца житье куда лучше царского.

Т. Левенчук.

По дороге.

I.

С юных лет, чуть придет весна, покроет цельную пелену снегов черными проталинами, призовет птиц и буйным, совсем особенным ветром своим, зашумит в непокрытых еще листвой сучьях дерев, непонятное томление, стесняло грудь мою, нежная сладкая печаль охватывала душу, и я едва мог дождаться теплых дней, чтобы с наступлением их, отправиться бродить по родному северу, по медвежьим углам и забытым, заброшенным весям...

Народ здесь в общем приветливый, хотя мало общительный, ушедший в себя.

Обессилили налоги, скудная почва плохо кормит, суровая, долгая зима надрывает и губит здоровье.

И этот год, я пустился бродить... Проехав по широкому песчаному шоссе на тряской неудобной телеге, какого то встречного,

незнакомого крестьянина, — под вечер слез — свернул в узкий лабиринт проселка и видел чудные сны, лежа под стеной покинутого, Бог весть зачем, здесь приютившегося шалаша.

С утра шел долго не останавливаясь, полной грудью забирая в себя чистый воздух хвойного леса. Лента дороги тянется ровная, прямая почти до самого горизонта: сбоку канава, молодой подлесок и еще дальше, густо — зеленый и задумчивый лес — горделивые, кокетливые ели.

Сегодня пасмурно. Солнце лишь изредка выглядывает в отверстия разорванных кой где облаков, белых как дым в морозное утро. Уже за полдень... Ноги устали, в теле истома. С самого утра не пришлось, встретить ни единого поселка, ни одной живой души—это так обычно в необъятных лесах нашего края.

Шагалось бодро и весело. Было тихо вокруг и тишина эта не нарушалась непрерывным гудением кузнечиков: так сливалось оно неуловимо и безгранично с ней.

Дорога пошла в гору, ветер налетел откуда то и мелькнули за поворотом крыши первых строений неведомой деревни.

Сколько ни езди по Руси—мало встретишь ты деревень, в которых архитектура изб отличалась бы особым разнообразием и разнохарактерностью. Вот и сейчас: приближаясь к деревне, еще видя только крыши ее, я знал заранее и широкий проезд улицы, и околицы с грядами и кустами и самые избы бревенчатые, то старые, почерневшие с поломанными отворенными ставнями и ветхим балкончиком, то новые, белые, еще гордо и прямо стоящие.

Собаки не встретили меня: видно убежали в поле с хозяевами, дети не копошились на солнцепеке, все имело сонный и покинутый вид.

С облегчением погрузился я в темные и прохладные сени, крайней избы, нащупал щеколду и вошел в горницу.

Встретила меня женщина (хозяйка повидимому) с бледным, худым лицом, в алом платке наполовину слезшим с головы, с полуобнаженными грудями, суетливая, приниженная.

Хозяина не было: уехал в город. Двое детей—единственных—две девочки подростка метались в жару на общей кровати за цветным пологом вылинявшим так, что неразличимы стали первоначальные контуры, затейливо-примитивного рисунка.

Раскрасневшиеся лица, обрамленные льняными, выгоревшими на солнце волосами, худые, хрупкие руки, высунутые из под вороха тряпья как то безпомощно, заставляли сердце уступать щемящей жалости, бесконечному сожалению.

Эпидемия посетила деревню, как год назад, как из года в год, почти, посещает. Здесь не было ни врачей, ни аптек, не было ванн

и чистоты белья, не было всего того, что в городах спасает от смерти других, более счастливых, чем эти, детей.

Целый день и вечер хлопотали мы подле детей, и было уже за полночь, когда утихли они—будто наступил и прошел кризис...

Чуть забрежил разсвет я проснулся, вернее очнулся от тяжелого забытья, разбудил хозяйку, в конец, истомленную, и проведал больных...

Тихо, тихо совсем, в эту ночь, когда спали мы оба—дети умерли.

Хозяйка даже не голосила: забилась в угол и бормотала что-то нежное, изредка всхлипывала. Прибежали соседи, медленно подымалась заглушенная суетливость обычная спутница подобных несчастий. Приехал хозяин—маленький, поджарый мужичек, с редкой рыжей бородкой с опухшими, мигающими глазками. Пришел поп, высокий дородный, своей фигурой подавлявший невзрачного псаломщика, державшего смиренно узелок с облачением, кадило, требник и свечи,

Осмотревшись, в свободном от народа углу, поп стал облачаться, поминутно крестясь, испитым баском, скороговоркой, шепча слова молитвы, глядя на клубы ладона, раздуваемого псаломщиком кадила.

Бабы ходили взад и вперед, громко переговариваясь, совещаясь, не стараясь скрыть слишком явного, непонятного мне любопытства. Казалось, они давно знали, что все это случится непременно, приготовились, находя естественным и простым, свое безцеремонное хозяйничение. За многими из них притаились ребята и оглушенные происходящим, стояли теперь при входе, глазея безсмысленно, поминутно порываясь, забраться пальцами в рот или ноздри.

Начинала кружиться голова, окружающее принимало формы нереальные, чуждые, почти дикие.

Смерть, как всегда, своей простотой, которой не верилось, против воли, подавляла мозг и путала мысли...

Я незаметно вышел... Солнце жгло, дорога лентой, бледно серой землей, вилась, то исчезая за лесом, то вновь появляясь, пересекалась кое где бревенчатыми мостиками, проложенными над каменистыми ручьями и оврагами.

Далеко позади осталась деревня, умершие дети, бледная хозяйка, дородный поп, мужиченко и назойливые бабы, а впереди, ждали меня десятки таких же забытых, заброшенных деревень и сел, простор леса, озер и лугов...

Лес, как вчера шумел задумчиво и весело, так же тянулась канава, гудящая кузнечиками, и небо глубокое, глубокое, легкой, белой дымкой, скрывало даль, вечно зовущую, вечно загадочную, родную и любимую.

Сер. Воскресенский.

Товарищеские беседы.

О первой конференции анархистских организаций Украины „Набат“.

(Продолжение).

Переходя затем к вопросу о взаимоотношении синдикализма-коммунизма и индивидуализма, Декларация довольно правильно указывает, что социальная революция, „являясь анархо-коммунистической по своему содержанию, по нарождающемуся в ней *организационному принципу*... должна быть неизбежно „синдикалистской“ (т. е. массово-организационной) по своему организационному *методу.* Только *организованная* масса, путем создания, укрепления и об'единения своих классовых организаций, способна разрешить великую творческую задачу социальной революции—строительство анархической коммуны.

И, наконец, необходимо остановить свое внимание также на том обстоятельстве, что человеческое „Я“ никогда не может удовлетворяться рамками одного только материального процесса.

Уже сама социальная революция, как процесс освобождения общежития от всех, стесняющих его, путь и превращения его в союз безвластных организаций—коммун, даст могущественный толчок духовному освобождению и развитию каждой человеческой личности. Проснется и внятно заговорит свободная, живая, творящая индивидуальность, со всеми ея запросами, интересами и устремлениями. И тотчас же, перед каждой человеческой единицей встанет повелительная задача: активно вмешаться в складывающееся новое общество, дабы влиять на него в направлении все большего расширения прав *личности*; дабы увлекать его в сторону все большего и большего обезпечения ее свободного и яркого размаха, ее целостного развития и действия; дабы отвоевывать у общества все более и более почетное место для великой, свободной, творческой, единственно-ценной сокровищницы—гармонически развитой человеческой особи. И, по мере того, как *материальные* условия существования всех членов общежития будут становиться, с одной стороны, широко удовлетво-

рящими всем человеческим потребностям, а с другой—*равенственными для всех*,—освобожденная человеческая личность должна будет все более и более подчеркивать и выдвигать *себя*, как цель, и свое свободное развитие, как единственный смысл процесса (и самого существования) общественной организации.

На основании всего вышеизложенного, мы приходим к тому заключению, что для анархиста нет решительно никаких оснований *отделять по существу или же во времени* индивидуализм от коммунизма, коммунизм от синдикализма. Мы находим, что пора, наконец, всем истинным анархистам признать и принять к руководству эту, вполне назревшую истину.

Все три понятия (синдикализм, коммунизм, индивидуализм) суть три стороны одного и того же целостного процесса: процесса строительства,—методом классовой организации трудовых масс („синдикалистский" метод),—анархо-коммунистического общежития, являющегося лишь необходимой материальной базой для полного расцвета свободной человеческой личности. Все три стороны совпадают во времени и начинают ярко выявлять себя уже в самом ходе социальной революции.

К этому-то тройственному, но целостному процессу каждый истинный анархист должен быть всегда готов сам и готовить других".

Я не буду сейчас детально останавливаться на вопросе, насколько правильно и точно разрешена задача взаимоотношения между синдикализмом, коммунизмом и индивидуализмом, мне представляется, что в общих чертах задача разрешена приблизительно удовлетворительно. В будущем мы остановимся на этом подробнее.

Теперь необходимо указать, что, несмотря на свою теоретическую ценность, Первая Конференция Анархистских организаций Украйны „Набат" совершила практическое *преступление*, приняв и даже *единогласно* резолюцию „об эксах". „Не ставя вопроса об эксах в принципиальной плоскости, гласит резолюция, и находя, что опыт прошлого анархического движения доказал всю нецелесообразность, вредность и гибельность систематического эксизма,—конференция относится к эксам вполне отрицательно.

Однако, принимая во внимание исключительно тяжелые условия нелегальной работы на Украйне и острую нужду в материальных средствах для успешного ведения этой работы, конференция допускает, в самых крайних случаях свершение экса, но не иначе, как в каждом случае, с ведома и под контролем Секретариата и от имени Конфедерации, причем всякий такой экс опубликовывается в Органе Конфедерации".

Мне думается, что гораздо правильнее было бы поставить этот вопрос принципиально и раз навсегда ответить: мы анархисты за

всеобщую экспроприацию и передачу средств производства в руки самих производителей, всякая же частная экспроприация в какой бы форме и при каких бы условиях она не совершалась в сущности есть грабеж у грабителей грабителями; мы же принципиально не за грабеж, а за возвращение производителю награбленного грабителями; мы против собственности вообще, а не за перекладывание частной собственности из кармана в карман, что неизбежно сопровождает почти все эксы.—Такова принципиальная сторона вопроса.

Переходя теперь к практической стороне необходимо отметить, что „опыт прошлого (в особенности недавнего прошлого—примечание мое) анархического движения доказал всю нецелесообразность, вредность и гибельность“ не только „систематического“ но в особенности спорадического „эксизма“. И этот же опыт, для тех кто хочет и желает его учесть, показал, что ни при каких „исключительно тяжелых условиях нелегальной работы“ и даже „для успешного ведения этой работы“, никакая конференция не может позволить себе роскошь допустить совершение экса, хотя бы и в самых крайних случаях и при условии „с ведома и под контролем Секретариата и от имени Конфедерации“ и обязательного опубликования о всяком таком эксе „в органе конфедерации“. Ибо все условия, поставленные Конференцией для совершения „законного экса“, окажутся мыльным пузырем при столкновении с об‘ективными условиями жизни и суб‘ективным условием „власти денег“.

Неужели можно предполагать, что „от имени конфедерации“, с соблюдением всех формальностей, не смогут совершать эксы все, кому только не будет лень. Или конференция считает достаточною гарантией против бандитизма опубликование о каждом эксе в органе конфедерации? Но, ведь, это наивно, как практически наивно предположение „что не малой гарантией против вхождения в анархистские организации нежелательных элементов является создание анархистских групп на основах, указанных в резолюции по этому вопросу, и постановление конференции об эксах,—в отношении различных случаев злоупотребления именем анархизма конференция рекомендует местным группам внимательно следить за всеми таковыми выступлениями и откликаться на них как устно, так изданием листков и, вообще, в печати“. Если Вы думаете, что постановление конференции об эксах есть достаточная „гарантия против вхождения в анархистские организации нежелательных элементов“, то я утверждаю совершенно обратное: постановление конференции об эксах есть достаточное условие для превращения анархистских организаций в банды грабителей. И ближайшее будущее покажет на чьей стороне правда.

Но чем и как объяснить это, повторяю, преступление Украинской конференции?

Конечно, много можно было бы указать причин, но я останавлюсь сейчас вкратце на одной: практическое осуществление вопроса „об условиях совместной работы анархистов“. На конференции, как видно из отчета, присутствовало 13 ан.-ком., 5 ан.-синд.-ком. и 2 ан.-синд. Разработав теоретически вопрос об едином анархизме, конференция упустила из виду вопрос о практических условиях совместной работы анархистов. Конференция забыла, что анархистов в настоящее время, в русской революции разделяет, главным образом, не теоретические положения, а практические споры об эксах, захватах, терроре и т. д. В то время как одни пошли по старой дорожке эксов, захватов, кинжалов и бомб, другие, наученные горьким опытам, пошли по пути организованного творчески-сознательного движения масс к царству истинной свободы. Эксам, захватам, кинжалам и бомбам противопоставлено анархо-синдикалистами организация масс по пути к социальной (экономической и антигосударственной) революции. На эти практические разногласия нужно было обратить серьезное внимание, чего Конференция не сделала; ибо нельзя же считать резолюцию „об эксах“ или же резолюцию о „борьбе с злоупотреблениями именем анархизма“*)—условиями совместной работы анархистов.

Никакой идейный анархист, я уже не говорю об идейной организации, не примет эти условия, ибо они не приемлемы для анархиста, рисуемого в декларации.

Будем надеяться, что товарищи, увлекшиеся теоретическим вопросом об едином анархизме, прозевали резолюцию „об эксах“, что теперь, заметив ее, они откажутся от нее. Я ни одной секунды не сомневаюсь, что это так будет и что, может быть, это уже так и есть.

Идейные товарищи должны или отказаться от резолюции или уйти из состава Украинской Конфедерации и Секретариата.

Б. Семеныч.

---

*) В этой резолюции опять-таки встречается следующий небезинтересный пассаж: „Относясь отрицательно ко всякого рода захватам (помещений, материалов и т. п.) анархистскими организациями, конференция допускает их лишь в случаях крайней необходимости, не иначе, как по постановлению общего собрания организации, под ея контролем и при условии использования захваченного для чисто идейной работы; при этом, факт захвата передается всякий раз широкой гласности с объяснечием причин, вызвавших необходимость захвата“. Та же песня об условиях, контроле и т. д. Неужели же опыт „особняковой“ эпохи анархистских организаций Москвы не мог подсказать кое что другое?

Искусство.

Вместо вступления.

Нашу статью нам хочется начать словами талантливого режиссера и артиста Ст. Надеждина: «Дорогие товарищи!.. В наше время, когда везде и всюду властвуют интересы желудка — священное горение, вдохновение и труд, посвященный Искусству, так дороги и так редки»!..

Пройдут года, стихнет буря социальных переворотов, будет достигнута цель—но искусство, творчество, недоступные механической ломке извне, останутся такими же, озаряющими душу, стремящимися к Скрябинской Всенародной Мистерии..,

Вечное достигание, без достижения... Полет свободного духа ввысь... Изменятся формы, быть может. Но изменятся не потому, что Владимир Маяковский со своими соратниками еще раз напишет о признании данной формы государственной властью. Не потому, что улицы будут увешаны пародиями на футуризм—громадными полотнищами. Не оттого, что в «Искусстве Коммуны» еще раз будет напечатан призыв к рояльщикам и барабанщикам—выйти на улицу.

Не оттого Искусство станет общенародным, что в канун пролетарского праздника на площади перед Мариинским театром под радостные вопли ребятишек будет на одном колесе ездит ловкий велосипедист; не оттого, что та или иная форма, течение в искусстве, будет признана сильными мира сего наиболее народной, массовой, близкой и понятной...

Этот вопрос — увы! не разрешается при помощи голосования, всеобщего или какого иного...

И в случае, если кто-нибудь уверен в том, что—массы «не доросли» еще до современного искусства—то нельзя «онародить» его превращением в жалкую пародию, опошлением и унижением его.

Рафаэль или Байрон не понятны массам? слишком «высоки» для них?

— Так подымите же массы до них... Неустанным трудом окрылите дух масс до гениальности!

Но не подсовывайте им макулатуры à la Князев или «Софронов внук из Великих Лук», не уверяйте их, что ломающийся выдумщик,

ловкий акробат—артист, творец, и художник... Не говорите, что лишь стихи, проклинающие белую гвардию или восхваляющие власть пролетариата и поющие ей дифирамбы,—хороши. И что Гумилев со своими «Капитанами», «Экзотическим лесом», «Детскими поэмами», «Крысой»—плох. Не будем провинциальными бранд-майорами, на вопрос «что выше всего?» отвечающими: «Моя каланча»!

Когда интимность и тоска Дебюсси, экстаз и стремление к огню Скрябина, всеоб'емлющая религиозность Баха и трагичность Бетховена станут понятны массам, станут близки, дороги им—тогда мы скажем—«Музыка стала народной! Ибо народ стал музыкален!»

Когда массам станут дороги и Шекспир и Ибсен, и Блок, когда массы смогут заражаться интуитивной влюбленностью, радостным и тихим эротизмом Грановской, когда экстаз Передвижников будет вдохновлять и окрылять их—тогда театр станет народным и массовым...

Когда народ подымется до искусства, а не искусство опустится до масс—тогда оно станет массовым, общенародным... И тогда, только тогда осуществится мечта Скрябина о Всенародной Мистерии. И для этого не надо будет отправляться в Индию и крыть толстым стеклом воды священного озера.

И святое горение служителей искусства, стремясь победить желудок, приближает этот радостный, но далекий момент... Оно зовет массы— „придите ко мне и в наслаждении отдохните от забот и тягот вашего великого дела, дела строения новой и светлой жизни!"

Им, победителям желудка, им, озаряющим усталые массы огнем подлинного творчества, искусства и Красоты; им, творящим общенародное искусство, поднимающим массы до понимания истинной и вечной—красоты наш привет.

Л. Грабарь.

Из нашей жизни.

Будьте стойки.

За последнее время в отделе Красной Газеты, имеющем заголовок „Из писем читателей", среди всяких мелочей, подчас, видимо, даже непроверенных, стали попадаться сообщения о наших товарищах. Содержание этих сообщений нельзя квалифицировать, как легкомысленное или поспешное, а, стараясь быть об'ективным в оценке и в то же самое время мягким в выражениях, приходится подвести их под категорию заметок с тенденциозно искаженным содержанием.

23-го декабря в вечернем выпуске этой газеты появилось следующее письмо:

Загляните в столовые.

Пора обратить самое серьезное внимание на зло, царящее в общественных столовых.

Младшие служащие: судомойки, уборщицы, сторожа, швейцары и мальчики получают одну пищу с обедающими гражданами. Заведующие же из белогвардейцев (есть и такие), канцелярские служащие и примыкающие к ним обжираются в полном смысле этого слова.

Повара, выдавая пищу, младшим служащим дают то, что все обедающие получают, а „начальству" готовят особые блюда из лучшей провизии.

И это происходит в то время, когда рабочие Питера чувствуют острый недостаток в продовольствии.

Кроме того, обращение заведывающих со служащими самое бесцеремонное. При малейшем возражении против несправедливостей **заведывающие, будучи сами кандидатами на Гороховую, запугивают ею служащих**, в особенности женщин. **Особенно этим отличается заведывающий 57-й столовой.**

Чтобы покончить с этим злом необходимо установить летучий контроль столовок. Контроль какой-то был создан, но его никто никогда не видел.

Коммунист—служащий столовки.

Много правды в только что приведенной заметке.

Действительно, порядки многих столовых заставляют желать многого. Правда и в том, что коммунисты-большевики, ведя ярую борьбу с белогвардейцами, частенько из этой „стаи—славных" вербуют себе работников, которые разыгрывают из себя „начальство" „доброго старого" дооктябрьского времени. Возможно, даже вероятно, и то, что эти начальники получают „особые блюда из лучшей провизии", а в обращении своем со служащими поступают подобно околодочным надзирателям и городовым, хорошо знавшим и старательно выполнявшим систему охраны порядка, выражавшуюся в словах: „тащшы и не пущай".

Со всем этим можно согласиться, но аноним целью своей заметки имеет не то.

Вся соль письма в искуственно замаскированном общим тоном его намерении задеть определенное лицо, намерении выраженном фразою: „Особенно этим отличается заведывающий 57-й столовой".

Эта фраза, брошенная по адресу нашего товарища, заставляет меня остановить на нем свое внимание.

Заведывающей 57-й столовой состоит тов. М-ская, давно известная как питерским анархо-синдикалистам, так и многим нашим единомышленникам, принимавшим участие в рабочем движении Америки.

Где бы она ни работала, она нигде не скрывала и не скрывает того, во что она верит. Это, по всей вероятности, хорошо известно и тому коммунисту—служащему столовки, который, спрятавшись под анонимом, настрочил кляузу.

Что касается остальной части содержания письма, то, я, хотя и хорошо знаком с 57-й столовой и обедами, отпускаемыми как гражданам, так и младшим и старшим служащим, но будучи не в состоянии произвести химического исследования их, как качественно, так и количественно, воздержусь, да простит мне читатель, от каких либо заключений, чтобы не походить на тех кумушек, которые в трамваях, поездах и на перекрестках улиц, в состоянии часами говорить об осьмушке хлеба, затрачивая на это столько энергии, что и одним фунтом хлеба ее не наверстаешь. Анонимный корреспондент, принадлежащий к типу кумушек, тонко учитывая разницу в обедах, затратил, видимо, не мало энергии на то, чтобы добиться напечатания приведенного письма, забыв при этом учесть разницу между веским протестом всего коллектива служащих столовой (чего бы он мог легко добиться в случае правдивости сообщения) и легковесной анонимной заметкой. Следует отметить, что такой протест всего коллектива, но уже против письма „коммуниста служащего столовой“, по каким то соображениям, не был принят „Красной Газетой“, для напечатания. Но зато в вечернем выпуске от 3-го января мы читаем следующую заметку уже безо всякой подписи:

Как назвать?

В столовой у Николаевского вокзала, что под № 57, задачу „общественного питания“ понимают так: „накормим — ладно, а нет — тоже ладно“.

В этой столовой от всех приписавшихся к ней по 9-ое число отрезали обеденные купоны, но обедов по ним не отпускают. Дескать,— котлы испорчены, не в чем готовить.

На вопросы голодающих столовников, „как им быть“, — отвечают: как хотите.

То, что в открытой общественной столовой котлы в неисправности и не заменены временно другими—само по себе уже преступленье. Называется оно саботажем.

А как назвать отрезывание купонов без отпуска по ним обедов?

Глупостью, издевательством или жульничеством?

Полная анонимность этой заметки находится в полном соответствии с ее недобросовестностью. Котлы в столовой все время были в исправности и обеды отпускались аккуратно в рассчете на 3.000 человек. Такому же количеству предполагалось отпускать обеды и в январе. Прикрепление карточек было уже закончено, когда, в связи с массовым переходом граждан Питера на общественное питание, пришлось принять еще 1.500 обедающих и спешно ставить **дополнительные новые** котлы. Естественно получилась некоторая заминка с этими сверхкомплектными карточками, т. к. установка котлов взяла несколько дней. Вот фактическая сторона дела. Но составителю заметки, очевидно, нужна была только хотя бы самая слабая зацепка, чтобы кинуть обвинение в саботаже, а затем грязно намекнуть и на возможность жульничества. И мы спрашиваем, какой прессы это приемы: „Красной“ или „Желтой“?

В номере 275-ом той же газеты от 24 декабря, то есть **на следующий день** после появления письма служащего, в том же самом отделе, помещено другое письмо под заглавием: „Господин“ советский работник, любопытное по своему содержанию и сопоставлению его с подписью под ним.

Привожу его опять таки полностью из желания сохранить колорит классического образца газетного „творчества“:

„Курсант Васильев, проезжая в трамвае, был свидетелем следующего.

На одной из остановок входит какой-то гражданин или вернее „господин“ и протиснувшись сквозь толпу, где было много и красноармейцев с узлами, произнес:

— Красноармейцы... их всех надо перестрелять.

Васильев решил проводить до дому „господина“, и оказалось, к удивлению смущенного курсанта, что это—председатель сети городских столовых—Михайловский, проживающий по просп. 25 Октября, уг. Лиговки.

Пребывание в советских учреждениях подобных „господ“ есть язва, которую надо вычищать с корнем.

Командир батальона военно-инженерного техникума **А. Ермолаев**“.

Пробегая письмо вплоть до конца фразы—„Красноармейцы... их всех надо перестрелять“—я решаю, что вошедший „господин“, по меньшей мере,—маниак, страдающий красноармейце--боязнью, и, живо представляя себе все происшедшее, прихожу к тому убеждению, что этот суб‘ект, на подобие цепной собаки ни с того, ни с сего набросившийся на опешивших от неожиданности красноармейцев—прямо таки опасен для общества и что его необходимо, как можно скорее, водворить в психиатрическую больницу.

Читаю дальше—„Васильев решил проводить до дому „господина“ и предполагаю, что он решил это сделать исключительно из желания обратить внимание близких или родственников больного на ту опасность, какая угрожает питерцам, в случае оставления маниака на свободе.

Моя душа наполняется чувством благодарности к Васильеву, столь редкостному типу в наше время, не похожему на всех нас—детей современных жизненных условий, жертвующих временем и проникающихся альтруизмом лишь только по корыстным соображениям.

Но когда я добираюсь до конца абзаца и встречаю знакомую фамилию и адрес моего товарища, я прихожу к убеждению, что слишком переоценил поведение курсанта Васильева и уже удивляюсь его „смущению“.

Картина меняется.

Противоположные первым мысли роятся в моей голове.

Гипноз, вызванный ошибочным представлением о поведении „свидетеля“ прошел.

Я начинаю о многом догадываться.

Другими глазами начинаю смотреть на случившееся, перечитываю сообщение и улавливаю истинный смысл его, подтвержденный впоследствии при встрече с тов. Михайловским.

Приведена с тенденциозным пропуском одна из фраз товарища, которыми он перебросился в трамвае по поводу мешечничества и спекуляции.

Смысл фразы получился иной, а поведение „господина“ оказалось возможным охарактеризовать, только как поступок кандидата в больницу для душевно-больных.

Но все же, не смотря на излишние старания, попытка упрятать истинный смысл фразы так неудачна, что автору можно было бы конкурировать, разве со страусами да куропатками.

Характернее всего то, что курсант, доведя работу по шпионажу до конца, смутился.

Что же заставило его смутиться?

Одно из двух.

Или, упорно добиваясь получения подробных сведений о „господине“, „свидетель“ узнал не только то, что „это председатель сети городских столовых“ (мало ли кто у нас попадает на такие должности), а гораздо больше, и именно, то, что тов. Михайловский никогда „господином“ не был, что он считает для себя гордостью принадлежать к тому классу, который носит название пролетариата, и что по политическим воззрениям он анархо-синдикалист.

Или краску смущения у бедного „следопыта“ вызвало сомнение в том, что вряд ли ему удастся получить зачет по курсу шпионажа за работу, выполненную в обстановке, мало похожей на ту, в которой она, с военной точки зрения, имеет оправдание и цену.

Нам неизвестно, сколь долго у нашего „следопыта“ держалась краска смущения. Но все же можно предположить, и это будет не далеко от истины, что и следа ее не осталось к возвращению Васильева в батальон.

Подпись командира батальона определенно говорит нам, что „следопыт“ все же доложил о происшедшем по начальству (скрыв, очевидно все могущее обесценить его подвиг), а последнее не приминуло тиснуть столь ценное сообщение, может быть, в назидание своим подчиненным, в отделе „Из писем читателей“.

Я боюсь долго задерживать внимание товарищей-читателей, на всем этом, но мне приходится привести еще одну заметку, касающуюся уже не отдельных наших товарищей, а целой группы.

27-го декабря в той же самой газете читаем:

Под маской анархо-синдикалистов.

При выборах в местный совет при управлении городских телеграфов было выставлено четыре списка: от коммунистов, анархо-синдикалистов и два списка от профессиональных групп.

Прошли на выборах 10 синдикалистов, 5 коммунистов и 2 от профессиональных групп.

За синдикалистов голосовали те, кто настроен против коммунистов, и главным образом барышни, которые составляют больший процент управления.

Анархо-синдикализм, это флаг, которым прикрываются саботажники и контр-революционеры управления.

Ячейка коммунистов-механиков при управлении бессильна бороться с этой массой.

Участвовавший в выборах.

Небольшая группа анархо-синдикалистов на питерском городском телеграфе одерживает уже вторую победу над коммунистами и последним, конечно, ничего не остается больше, как распускать устно и письменно демагогию.

Тяготение масс к анархо-синдикалистам—естественное движение самих масс.

Анархо-синдикалисты никогда никого не зазывали и никогда не будут зазывать „в свою лавочку".

Наша роль отлична от роли политических партий; наша тактика отлична от партийной тактики.

Там высший эфект играет огромное значение, для нас же является ценным только содержание.

Наша миссия служить повивальной бабкой, помогать массам, рождающим в болезнях плод своих желаний, в деле окончательного уничтожения капитала и власти. Анархо-синдикалисты ждут массового движения, не стараются создать его извне, приветствуют всякую попытку масс к самодеятельности.

Такова тактика всех анархо-синдикалистов, такова, в частности, она и на питерском телеграфе.

При выборах в местный Совет при управлении городских телеграфов список анархо-синдикалистов фигурировал вместе с остальными, и группа, выставившая его, несмотря на свою малочисленность, не думала вербовать избирателей ни путем угроз вплоть до исключения из Союза, фракции, ни путем демагогических выпадов по адресу своих противников.

Спокойствие—результат морального превосходства и сознания правоты.

И анархо-синдикалисты, несмотря на мобилизацию всех сил противника, были спокойны и уверены в своей победе.

Залогом победы служила оценка массами той громадной работы в профессиональном союзе, все бремя которой анархо-синдикалистам пришлось нести на своих плечах.

Их сильное влияние на служащих телеграфа, давно уже беспокоят не только местных коммунистов, но и „сильных мира сего".

Победа, одержанная анархо-синдикалистами еще в сентябре прошлого года при выборах в Делегатский Совет Петроградского Телеграфа ускорила слияние до того отдельно существовавших профессиональных союзов Почты и Телеграфа. Это слияние под давлением сверху, было произведено в целях ослабления влияния анархо-синдикалистов на служащих Телеграфа.

Но уже в самый момент слияния, несмотря на неблагоприятные условия для Группы, список последней при выборах Исполкома Объединенных Делегатских Советов Почты и Телеграфа получил в 2 раза больше голосов, чем было нужно для проведения намеченных пяти кандидатов.

Последние же выборы в местный Совет окончательно обескуражили наших противников и им ничего не оставалось делать, как или изрекать такие истины как следующая: „за синдикалистов голосовали те, кто настроен против коммунистов" или же приписывать одержание победы анархо-синдикалистов исключительно тому, что за них

голосовали барышни, а под конец заметки лягнуть фразой: „Анархо-синдикализм, это флаг, которым прикрываются саботажники и контрреволюционеры управления“.

Все эти выпады, совершенные втечение короткого промежутка времени, сначала по адресу отдельных лиц, а дальше и целой группы, с одной стороны указывают на то, что нашим противникам становится очевидным тяготение масс к анархо-синдикализму, с другой— заставляют нас, высоко держать знамя анархо-синдикализма, быть уверенно твердыми в проведении своих начинаний и спокойно, не горячась, реагировать на подобные выпады.

М.

ХРОНИКА.

В Питерской Федерации.

Питерский Клуб пропаганды идей анархо-синдикализма на предпоследнем своем заседании решил временно отменить свои открытые собрания, прежде происходившие по средам и воскресеньям; заменив их еженедельными докладами и лекциями (публичными), с широким о них оповещением.

Библиотека-читальня точно также временно закрыта и пользоваться ею, в ближайшем будущем, будут лишь члены Клуба.

* * *

Колпинская Группа Анархо-Синдикалистов лишилась своего Клуба. По этой причине, а также и из-за недостатка средств сильно затормозилась ее работа.

Ведется лишь распространение литературы и журнала „Вольный Труд“.

* * *

В самом скором будущем можно ожидать организации группы анархо-синдикалистов Литвы.

Впрочем она и без формальной организации уже показала себя изданием первой анархической брошюры на литовском языке, под названием: „Что такое анархизм?“.

Кроме того эта Группа, вероятно, скоро приступит к интенсивной работе по изданию нескольких других брошюр на литовском языке и снабжению Литвы анархической литературой.

* * *

Питерским клубом пропаганды идей Анархо-Синдикализма выпущены подписные листы для сбора в пользу журнала „Вольный Труд“.

* * *

На заседании от 16-го декабря, по вопросу об участии анархо-синдикалистов в перевыборах Питерского Совдепа—мнения в Делегатском Совете Федерации разделились: большинство (незначительное) рекомендовало т. т. воздержаться от участия в выборах в Совдеп, как в орган власти. Меньшинство же стояло на иной точке зрения, мотивируя ее тем, что Советы являются органами классовой борьбы.

Это, кажется, первый случай разногласия (формального) в среде Питерских Анархо-Синдикалистов.

* * *

В отчете „Вольного Труда“, помещенном во 2-ом номере вкралась опечатка:

От Нельсона поступило не сто рублей, как ошибочно указано а 50 р.

ПИТЕРСКИЙ КЛУБ ПРОПАГАНДЫ
ИДЕЙ
АНАРХО-СИНДИКАЛИЗМА

помещается на ул. Жуковского, д. 38, кв. 22.

Библиотека-читальня открыта по воскресеньям от 2 до 3 часов вечера.

При Клубе организована продажа Анархической Литературы и журнала «**Вольный Труд**».

Принимается подписка на двухнедельный журнал «ВОЛЬНЫЙ ТРУД» орган Питерской Федерации Анархо-Синдикалистских Групп.

Редакция открыта по **вторникам** и **пятницам** от **6 — 8** час. вечера.

Журнал высылается лишь по получении денег полностью.

Организации и группы, при условии единовременной выписки не менее 25 экземпляров, пользуются 20-процентной скидкой.

Присылаемые в редакцию статьи и рукописи должны быть переписаны **четко** на одной стороне листа. Непринятые рукописи—не возвращаются.

ИЗДАТЕЛЬ: Питерская Федерация Анархо-Синдикалистских Групп.

РЕДАКЦИОННЫЙ КОЛЛЕКТИВ: Б. Стоянов. М. Топтыгин.

ТОВАРИЩИ!

Питерская Федерация Анархо-Синдикалистских Групп

НАЧАЛА ИЗДАВАТЬ РАБОЧИЙ ЖУРНАЛ—

наш двухнедельник

„Вольный Труд".

Как идейное издание—он может продержаться лишь при вашем ближайшем сотрудничестве.

Он может издаваться лишь на ваши, трудовые деньги. Каждая копейка на счету! Шлите вашу лепту на общее товарищеское дело, шлите материалы и статьи, организуйте сборы в фонд „**Вольного Труда**".

Помните—без вашей поддержки он погибнет!

РЕДАКЦИЯ И КОНТОРА

помещается—ул. Жуковского д. 38, кв. 22.

Прием по делам Редакции и Конторы по воскресеньям от 2 ч. до 6 ч. вечера.

Типография „Маяк", ПГ. Вознесенский пр. 47.

Цена 3 руб.